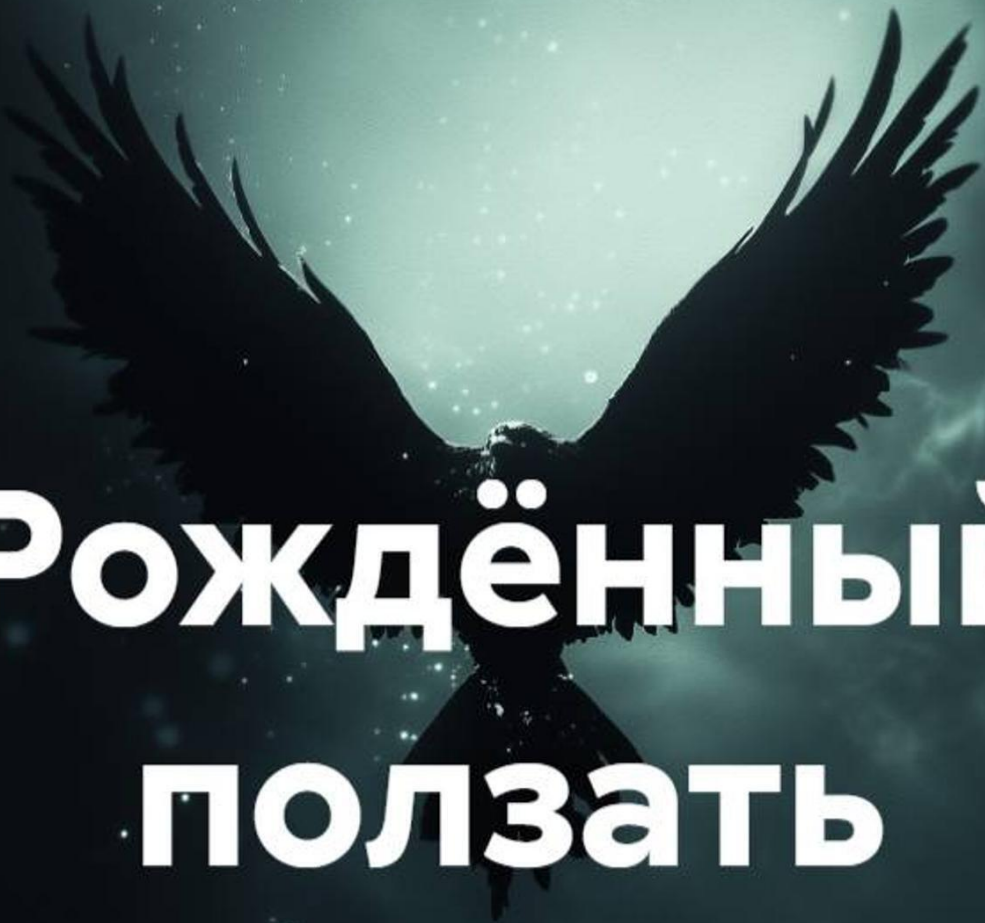

Divergent

A silhouette of a bird, possibly a phoenix or eagle, with its wings fully spread, set against a dark, starry night sky. The bird is positioned centrally, and its wings extend towards the left and right edges of the frame. The background is a deep blue-black with numerous small, bright white stars scattered throughout, creating a celestial atmosphere.

**Рождённый
ползать
летать...не
должен!..**

Олеська

Divergent

**Рождённий ползати
летать...не должен!..**

«Автор»

2026

Divergent

Рождённый ползать летать...не должен!.. / Divergent — «Автор»,
2026 — (Олеська)

Благополучная с виду семья. Мама, папа, дочь и сын. Все хорошо одеты, обуты, накормлены и счастливы. Но так ли это на самом деле?..Олеське не повезло. Она не была желанным ребёнком. Но её произвели на свет, - просто потому, что так получилось. Её кормили и одевали, - потому что это было необходимо. О ней даже заботились, защищали, помогали, и она искренне полагала, что так и должно быть. А что касается души... Любящие и заботливые родители, - видимо, исключительно из чувства огромной привязанности к неудачному ребёнку, - сумели убедить её в том, что хуже её в этом мире никого нет. Каждое утро она просыпалась с мыслью о том, что с сегодняшнего дня она будет исправляться и станет хорошей. Все её мысли были сосредоточены только на том, чтобы угодить любимой маме, все её поступки были только для того, чтобы мама ею гордилась. Но ей так и не удавалось заставить маму посмотреть на неё хотя бы с одобрением...

Содержание

Вступление.	5
Предисловие.	8
Пролог.	9
Цитата.	10
Часть 1. Глава 1. Самые ранние воспоминания.	11
Глава 2. Преступление и наказание.	29
Глава 3. Родные люди.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Рождённый ползать летать...не должен!..

Вступление.

<https://rutube.ru/video/94517dddeb3b23f45f3f4216c04c4b9e/>

Благополучная с виду семья. Мама, папа, дочь и сын. Все хорошо одеты, обуты, накормлены и счастливы. Но так ли это на самом деле?..

Олеске не повезло. Она не была желанным ребёнком. Но её произвели на свет, - просто потому, что так получилось. Её кормили и одевали, - потому что это было необходимо. О ней даже заботились, защищали, помогали, и она искренне полагала, что так и должно быть. А что касается души... Любящие и заботливые родители, - видимо, исключительно из чувства огромной привязанности к неудачному ребёнку, - сумели убедить её в том, что хуже её в этом мире никого нет. Каждое утро она просыпалась с мыслью о том, что с сегодняшнего дня она будет исправляться и станет хорошей. Все её мысли были сосредоточены только на том, чтобы угодить любимой маме, все её поступки были только для того, чтобы мама ею гордилась. Но ей так и не удавалось заставить маму посмотреть на неё хотя бы с одобрением...

Можно ли расти в таких условиях? Можно ли вырасти нормальным благополучным человеком в мире, где нет любви и счастья, где все повязаны между собой лишь чувством вины, ошибочно воспринимаемой за чувство долга? Что будет с таким человеком в будущем? Сможет ли он справиться и распрямиться – или же окончательно сломается и отдастся на волю случая?

Олеся всю жизнь мечтает о любви. Она ищет её и иногда, как ей кажется, находит. Но любовь ускользает от человека, которого в детстве никто не потрудился научить любить, уважать чужие чувства, дорожить тем, что имеешь.

Она мечтает о славе и богатстве. И она делает много попыток добиться хоть чего-то в этой жизни. Но трудно отдаться целиком и полностью любимому делу, если даже его ты выполняешь не для себя самой, а с одной лишь целью: доказать своей маме, что ты достойный человек. Дстойный любви, уважения. Заслуживающий права на эту жизнь, в конце концов.

А жизнь бежит. И в ней нет ни друзей, ни подруг, ни любимой работы, ни счастья, ни радости. Сможет ли такой человек найти в этой жизни своё место? Или же он обречён на вечные скитания, страдания, разочарования, неудачи?..

Многие-многие годы единственной поддержкой и опорой в этой жизни для неё была мама. Можно ли найти силы жить дальше, когда этот единственный оплот рушится, и ты остаёшься совсем один? Или же легче просто лечь и умереть?..

Но она не сдаётся. Позади школа, не оставившая после себя никаких тёплых воспоминаний. Олеся мечтает об институте, - она с детства пишет и всегда хотела быть журналистом, - но мама решила, что ей лучше поступить в ближайший техникум... Олеся подчинилась, но мечты свои не оставила. Время от времени она пытается что-то сделать в этом направлении, но почему-то каждый раз её подстерегает неудача. Да и мама недовольна её тщетными попытками изменить свою жалкую жизнь и хоть чего-то в ней добиться. Её дочь давно уже ждёт место в цехе на Моторном заводе, и любые старания Олеси избежать этой участи лишь подливают масла в огонь...

В самый последний момент, чисто случайно, вместо цеха Олеся попадает в редакцию заводской газеты. Началась чудесная пора в её жизни. Её бесспорный талант признают все... кроме мамы, которую успехи дочери почему-то лишь раздражают. А кроме того, Олеся влюбляется в своего коллегу, что вообще приводит маму в состояние паники. И дело даже не в том, что молодой человек, по всем признакам, совершенно не пара самой Олесе, - не потому что он такой плохой, а просто потому, что они слишком уж разные, и даже со стороны изначально видно, что у них с ним ничего не получится. Но Георг – единственный человек в этом

мире, который любит Олесю такой, какая она есть, - в то время, как в своей родной семье она встречает лишь насмешки и издевательства. И поэтому, даже осознавая, что на самом деле он далеко не герой её романа, Олеся выходит за него замуж...

При этом она теряет работу в редакции и, как и мечтала всегда её мама, оказывается рядовым служащим Моторного завода без каких бы то ни было перспектив...

Олесе казалось, что, вырвавшись из своей родной семьи, она разом забудет все былые проблемы, но не тут-то было. Их общие родственники вполне могли бы дать фору небезызвестным Монтекки и Капулетти. Они готовы пойти на что угодно ради того, чтобы развести молодых людей, и даже рождение ребёнка ни капли не сплотило их и ничего не изменило в их отношении. Для каждой из сторон этот злополучный ребёнок оказывается чужим и нежеланным, и бабушки, вместо того, чтобы радоваться его появлению на свет, лишь находят у него всё новые и новые недостатки, дающие им основания ненавидеть его так же сильно, как и супруга или супругу своего собственного ребёнка. Ситуация усугубляется ещё и тем, что Георг, хоть и будучи почти на десять лет старше Олеси, сам по сути своей является сущим ребёнком, до сих пор держащимся за мамину юбку и не смеющим без её разрешения даже принять ванну... Он годами не работает, потому что просто не привык этого делать, - его мать всю жизнь пахала на десяти работах и содержала любимого сыночка. И все проблемы ложатся на плечи Олеси, которая на момент своего замужества ещё и сама-то едва ли могла бы считаться взрослым человеком... Но обстоятельства поспособствовали тому, чтобы она довольно быстро повзрослела...

Некоторое время они жили с её родственниками, но те откровенно выжили их из квартиры. Переезд к свекрови оказался огромной ошибкой, хотя на том этапе у них просто не было другого выхода. Снимать квартиру Георг отказывался наотрез, - он объяснял это тем, что у них нет денег, но уже потом Олеся поняла, что он просто не представлял своей жизни без мамы. Он женился не потому, что так уж любил Олесю и хотел детей, - просто на тот момент ему было уже тридцать лет; все его друзья давно уже всё это имели, и штамп в паспорте был для него определённым показателем собственной состоятельности.

Олеся нашла возможность купить собственную квартиру. Чего ей это стоило – страшно было даже вспомнить. Но она сделала это. Они переехали... А несколько месяцев спустя Георг вернулся к своей матери, и больше они его практически не видели...

Как ни странно, на этом этапе у Олеси наладились отношения со своей собственной матерью. У Олеси – предположительно на нервной почве и на фоне постоянных стрессов – обнаружилось страшное неизлечимое заболевание, приведшее к инвалидности. И её мама, забыв все былые недопонимания, тут же бросилась помогать ей и заботиться о ней...

Несколько лет Олеся просто купалась в море материнской любви. Но проблема была в том, что, несмотря на страшный диагноз, она вовсе не собиралась умирать или превращаться в овощ, по прогнозам врачей. Она верила в то, что вылечится. Врачи пожимали плечами и уверяли, что это невозможно. Но Олеся знала, что у неё всё получится. Она ещё даже и не начинала жить, и она твёрдо верила в то, что у неё все будет хорошо...

Это произошло не быстро. На это потребовалось несколько лет. Но Олеся, назло всем прогнозам врачей, снова почувствовала себя здоровой и полной сил. Она больше не нуждалась в помощи и уходе. Она снова стала работать и неплохо зарабатывать, - по своим меркам, конечно, но после полного безденежья это было уже достижение. Подростал ребёнок... Жизнь, казалось, налаживалась... Но не тут-то было...

Мама, которой почему-то доставляло огромное удовольствие поддерживать смертельно больную дочь, вновь ополчилась на неё, как только поняла, что та снова встала на ноги. Вместо того, чтобы радоваться её успехам, гордиться её мужеством и силой духа, позволившим её победить страшную болезнь, она озлобилась и начала постоянно терзать и изводить её, - похлеще, чем в детстве. Более того, основным предметом травли стал теперь для неё Олесин ребёнок, которого она буквально сживала со свету, - так же, как в своё время мужа дочери.

И Олеся вновь оказалась перед выбором. На одной чаше весов была мама, которой она была стольким обязана, а на другой чаше весов – десятилетний мальчишка, совершенно нормальный весёлый жизнерадостный десятилетний мальчишка, виновный лишь в том, что оказался сыном своих родителей...

Это не могло продолжаться долго. И однажды случилось совершенно незначительное событие, которое, тем не менее, оказалось последней каплей, переполнившей чашу. И Олеся, всю жизнь боготворившая свою маму, молившаяся на неё, как на Господа Бога, и считавшая каждое её слово прописной истиной, вдруг поняла, что всё кончено. Она не просто больше не любила свою мать. Однажды она вдруг поняла, что ненавидит её. И это стало концом.

А точнее, это стало началом новой жизни. Той жизни, где больше не будет постоянных скандалов, упрёков, обвинений, запугиваний, угроз. Той жизни, где всё ещё обязательно будет хорошо.

Предисловие.

<https://rutube.ru/video/f710025ffec449696b6d8b597bfd123b/>

Она появилась на свет в тридцать два года. Этот процесс оказался очень сложным и даже мучительным. Он едва не стоил жизни им обеим: и ей самой, и её несчастной матери. Что касается последней, то она, как небезосновательно подозревали все окружающие их люди, едва ли сможет после этого когда-нибудь прийти в себя и снова стать прежней. Слишком уж много выпало на её долю невзгод и испытаний, связанных с появлением её дочери в этом страшном мире. Такое трудно даже осмыслить и постичь разумом, а уж пережить – почти невозможно... А что же касалось самой её дочери...

Как это ни странно, но, несмотря на такой странный и весьма небезобидный процесс появления на свет божий, она выжила. Более того, она с удивлением огляделась по сторонам и обнаружила, что жить в этом мире, оказывается, совсем не так уж ужасно и сложно, как она почему-то предполагала ранее. И, что самое главное, но ей это очень понравилось – просто жить. Благодаря нелепой прихоти судьбы, она появилась на свет уже в том возрасте, когда все её ровесники, почти без исключения, давно уже стали взрослыми и способными мыслить людьми. У них ушли десятилетия на то, чтобы стать такими, а ей предстояло научиться всему как можно быстрее, за считанные месяцы, недели, а может, даже дни. Но ей это удалось.

И хотя первое время она, как это свойственно, наверное, всем новорождённым, лишь беспомощно вертела головкой, била руками по воздуху и плакала, она очень быстро научилась различать цвета и запахи. И, к своему великому изумлению, обнаружила, что мир, окружающий их, прекрасен. Деревья растут, цветы благоухают, птицы поют, солнышко светит, - и всё это вместе наполняет нашу жизнь такой радостью, что просто невозможно не ощутить тяги к ней и дикого, какого-то просто безудержного желания познать весь этот чудесный, сказочный, причудливый мир, в котором ей, наконец-то, посчастливилось появиться!..

Пролог.

Она очень любила свою маму. Она просто обожала свою милую, нежную, заботливую мамочку, окружившую её любовью и вниманием, утешавшую её и вытиравшую ей слёзы, поддерживавшую и защищавшую её на протяжении всей её достаточно долгой и нелёгкой жизни. И, несмотря на свой возраст, она по-прежнему любила её до дрожи всё той же самой безмерной, трогательной, самозабвенной и чистой детской любовью и была готова буквально на всё просто ради того, чтобы хоть немного порадовать её.

Но, прости её, Боже, она до боли ненавидела ту сухую, бесчувственную, не умеющую любить женщину, которая её вырастила, в равнодушных серых глазах которой она никогда не видела никаких иных чувств, кроме разочарования и осуждения. Она провела рядом с ней много страшных лет, изо дня в день изо всех сил пытаясь угодить ей, но так ни разу и не услышала из её суровых не способных на улыбку уст ни одного слова одобрения. Она всей душой тянулась к этой пугающей её до смерти грозной женщине; она буквально на коленях умоляла её о столь необходимых ей любви и ласке; она готова была жизнь отдать за одну её милую улыбку, - а та ни разу не приласкала её по доброй воле, не обняла, не поцеловала, не назвала добрым словом... Она рада была наказать свою непутную дочь за всё, что происходило в этом мире, и обвиняла её в любом несчастье: от плохой погоды до нападения Наполеона Бонапарта на Россию в 1812 году... К счастью, угроза третьей мировой войны пока ещё только витала в воздухе, но, если она когда-нибудь всё же разразится, ни у кого не вызывало сомнений то, что именно она, своим дурным характером и своими преступными наклонностями, вызовет её!..

Прости её, Господи, но как же она на самом деле ненавидела эту страшную женщину, волею судьбы оказавшуюся её родной матерью!..

Цитата.

Иногда сделать аборт и таким образом попросту убить нежеланного и ненужного тебе ребёнка было бы слишком милосердно по отношению к нему. Ну, уж нет, - так легко он не отделается!.. Нужно позволить ему появиться на свет, нужно дать ему еду и кров, а потом каждую минуту его злосчастной жизни третировать его, мстя ему тем самым за его своеволие и подлость. Одарив его внешней заботой и благополучием в глазах окружающих, создав впечатление крепкой и дружной семьи перед другими людьми, нужно исподволь добиться того, чтобы это мерзкое маленькое существо само пожалело о своём появлении на этот свет. Нужно сделать его жизнь настолько невыносимой, чтобы он сам, в конце концов, пожелал своей смерти. Но даже это он не сможет себе позволить, потому что превратится к тому времени в совершенно забитое безвольное существо, не способное ни постоять за себя, ни принять самостоятельно хоть какое-то достойное решение.

Вот так, - и только так, вы сможете сполна отомстить ему за свою напрасно потерянную по его вине юность. Иного он, поверьте, попросту не заслуживает!

Часть 1. Глава 1. Самые ранние воспоминания.

<https://rutube.ru/video/f3faa8b13f80eb01b30ce8a843d6da03/>

Жизнь Олеську не баловала. Напротив, она всегда казалась ей штукой очень сложной, тяжёлой и даже болезненной. И она на протяжении долгих лет довольно безуспешно пыталась отыскать в ней своё место.

Своё отличие от других детей она начала осознавать ещё в садике. Правда, тогда она ещё даже толком не могла объяснить, в чём конкретно оно проявляется. Но оно существовало, и от этого никуда было не деться.

Олеська всегда была очень тихим и даже, можно прямо сказать, ужасно робким ребёнком. Чаще всего ей приходилось бороться с неудержимым желанием забиться куда-нибудь в самый дальний угол, чтобы о ней попросту все забыли. Она просто панически боялась лишней раз привлечь к себе внимание и безумно стеснялась, когда ей невольно всё-таки приходилось это делать. Ей всегда почему-то казалось, что окружающие её люди – от собственных родителей до воспитателей в садике – не любят её и только и ждут повода, чтобы отругать её или даже наказать. Правда, сказать по совести, она не помнила ни одного реального случая, чтобы её наказывали серьёзно, - разве что по мелочам, - но следует всё-таки полагать, что дыма без огня не бывает...

Всё это со стороны могло бы показаться более, чем просто странным. Олеська никогда не была ни хулиганистой, ни непослушной. Напротив, она всегда и изо всех сил пыталась угодить взрослым, которые являлись для неё непререкаемым авторитетом. Но ей почти никогда это не удавалось. Она всегда всё делала как-то не так. Не так ходила, не так ела, не так говорила, не так дышала. Она почему-то никогда не была в глазах окружающих миленькой и очаровательной, как все остальные маленькие девочки, чьи родители не уставали восхищаться их грацией и красотой. У Олеськи же не было ни слуха, ни голоса; она совершенно не умела красиво двигаться, говорила всегда невпопад и одни сплошные глупости, и при этом неизменно была угрюмой, недружелюбной, неулыбчивой и плаксивой. И это даже несмотря на то, что на самом деле она плакала не так уж и часто, а к вечеру у неё буквально сводило лицо от постоянных попыток держать свои губы растянутыми в вечной улыбке. Но всё это, увы, вовсе не прибавляло ей симпатий окружающих и не делало ни более привлекательной, ни очаровательной.

В общем, всегда, насколько Олеська себя помнила, она прекрасно осознавала, что является одним сплошным разочарованием для своих несчастных родителей, - и это было, наверное, самым ужасным ощущением в её беспросветной жизни.

Она была гадким утёнком на чудесном птичьём дворе, и всегда, насколько она себя помнила, мечтала лишь об одном: превратиться однажды в прекрасного лебедя. И, уж можете поверить, мечтала она об этом вовсе не ради удовлетворения своего собственного тщеславия. Его у неё тогда ещё попросту не было, - в привычном понимании этого слова, разумеется. Олеська старалась стать лучше только ради своих бедных родителей. Ей всегда хотелось лишь одного: чтобы прекрасные грустные глаза её несчастной мамы, неизменно взиравшие на неё с такой тревогой, печалью и чем-то ещё, чему Олеська пока ещё не знала названия, заискрились от радости и гордости за свою дочь.

Признаться честно, даже потом, спустя много лет, Олесе всегда было тяжело вспоминать о своём детстве. Даже тогда она как-то подсознательно понимала, что в их семье что-то неправильно, - не так, как в других семьях, и не так, как это должно быть. Она была чужой. Чуждой своей собственной родной семье. Она никогда не ощущала себя счастливой маленькой девочкой, которую любят и балуют обожающие своё самое расчудесное на свете чадо родители. Ей всегда было грустно и одиноко, но она тогда ещё не понимала, почему...

Кстати, мысль о том, что она не такая, как все, Олесе тоже зачем-то внушили именно её дорогие родственники. Она, к сожалению, так никогда и не поняла, что же было в ней изначально такого плохого, но, поскольку ей постоянно, изо дня в день, твердили о том, какой она сложный ребёнок с тяжёлым характером, в конце концов, она свято поверила в это. Поверила на слово, тогда даже ещё и не задумываясь о том, а что же в ней конкретно не так?.. При этом мама всегда зачем-то внушала Олесе, что за пределами родного дома все окружающие её люди видят её отвратительную сущность и, соответственно, относятся к ней враждебно, поскольку ничего другого своим поведением она попросту не заслуживает. Мама давала понять Олесе, что она – и только она!.. – является единственным человеком, на чью помощь и поддержку дочь пока ещё могла бы рассчитывать, хотя, разумеется, даже она понимает, что Олеська очень плохая девочка и давно уже из-за своих «выходок» потеряла всякое право на чью-либо помощь и поддержку.

- Но ты моя дочь, - обречённо поджав губы, печальным голосом констатировала её несчастная мама. – И я обязана любить тебя, какой бы ты ни была, и прощать твоё отвратительное поведение! Но, имей в виду, если ты не возьмёшься за ум в самое ближайшее время, то даже я перестану тебя любить, и ты останешься совсем одна! И ты никому больше не станешь нужна!

Глядя правде в глаза, на самом деле Олеська была самой обычной девочкой без каких-либо особых проблем и претензий. Поставить ей в вину можно было разве только что её редкую покорность собственной матери и некоторую забитость и запуганность, являющуюся следствием постоянной уверенности в том, что хуже её нет в этом мире, и все вокруг терпят её только лишь из жалости. Ничего особенно плохого в ней попросту не было. Она была не просто послушным ребёнком, - ей даже и в голову не приходило, что можно ослушаться маму или хотя бы как-то возразить ей в ответ на её, зачастую, прямо скажем, совершенно несправедливые упрёки и обвинения. То, что её постоянно ругают, Олеська воспринимала, как должное, с колыбели пребывая в осознании того, что хвалить её совершенно не за что, ведь она всё – ну, совершенно всё!.. – делает плохо и неправильно. При этом она буквально из кожи вон лезла, чтобы угодить своей маме, но ей это никогда – никогда – не удавалось, что бы она ни делала. Мама всегда оставалась недовольной. Мама находила повод отругать её даже за то, что за что другие родители хвалили своих чад. Если Олеська рисовала, то мама прямо говорила, что Господь Бог не дал ей ни малейшего таланта. Если она ненароком пыталась запеть, её довольно грубо обрывали и говорили, что ей в детстве медведь на ухо наступил. Старательно вымытая Олеськой посуда неизменно оказывалась грязной, пол – пыльным, бельё - плохо выстиранным и отвратительно выглаженным. Другая девочка – не такая забитая и подавленная собственной матерью - давно плюнула бы на всё это, озлобилась бы на весь белый свет и вообще перестала бы пытаться хоть что-то делать. А Олеська, вытирая произвольно струящиеся по щекам слёзы, снова брала тряпку и перемывала этот злосчастный пол, стараясь тщательно протереть все возможные углы, чтобы придирчивый взгляд мамы не обнаружил там даже тени пыли. Но он всё равно её там обнаруживал. И, вместо хоть какой-то похвалы и благодарности, на девочку дошкольного возраста обрушивался град обвинений и упрёков, зачастую попросту слишком сложных ещё для её осознания и восприятия. И она понимала, что такое тупое непутное отродье, как она, у которого руки из задницы растут, никогда не сможет ничего сделать по-человечески...

Правда, надо отдать маме должное. Несмотря на такое весьма странное отношение к собственной дочери, она никогда и никому не давала её в обиду. Стоило хоть кому-либо из окружающих косо посмотреть на её ребёнка, как она с яростью бросалась на её защиту, и горе тому, кто не успел убраться вовремя с её пути. Обижать Олеську, слава Богу, не было позволено никому. На это имела право только её мама. Это было её право собственности...

Итак, Олеська всегда прекрасно понимала, что хуже её нет никого в этом мире. Но она просто не в силах была это хоть как-то изменить. И поэтому жила в вечном страхе потерять единственного в этом мире человека, которому она была ещё нужна. И, когда мама по поводу и без повода «ненавязчиво» намекала ей на то, что, если дочь в самое ближайшее время не начнёт серьёзно работать над собой, то даже она от неё отвернётся, Олесе просто хотелось умереть. Эти мамины слова, которых Олеська боялась просто панически, были и её колыбельной песней, и её ночным кошмаром. Каждое утро, начиная, наверное, с самого нежного младенческого возраста, она вставала с мыслью о том, что с сегодняшнего дня начнёт работать над собой и перевоспитываться. Но всё было напрасно. Ей никак не удавалось стать хорошей девочкой.

Едва ли хоть какое-то живое существо в этом мире смогло бы соответствовать жестким и чересчур завышенным требованиям Олеськиной мамы. Даже ангелы на небесах – и те не смогли бы выполнить все её условия, угодить ей и попасть в строго ограниченные рамки. Что же тогда говорить о зашуганном подавленном комплексом собственной неполноценности маленьком ребёнке, с пелёнок выросшем в осознании того, что он – исчадь ада, которому едва ли найдётся место в этом мире...

Если уж говорить начистоту, то едва ли можно было отыскать в их окружении другую настолько робкую, стеснительную, закомплексованную и затравленную собственной матерью девочку, какой была Олеська. И если она на самом деле чем-то и выделялась среди других детей, то именно этим. Жуткий комплекс неполноценности и ощущение своей тяжкой вины перед любимой мамой, которой досталась такая плохая дочь, давил на её плечики уже с колыбели, и она выросла с этим. Но, что самое примечательное в данной ситуации, она не сломалась и не превратилась в абсолютно забитое существо, полностью лишённое собственного мнения и права голоса. Такой она была лишь в своей родной семье. Но её маленькая душа, заключённая в такую неуклюжую и непутную оболочку, постоянно рвалась в высь, мечтая о чём-то несбыточном и нереальном. И, несмотря на то, что она изначально привыкла к несправедливости и постоянному ущемлению своих собственных прав, - да и не только привыкла, а воспринимала это как нечто естественное и само собой разумеющееся, - Олеська очень остро реагировала на любую несправедливость в окружающем мире и пыталась её исправить.

Воспитатели в детском садике тоже всегда выделяли Олеську из числа других детей и не особенно любили. А возможно, ей это просто так казалось, потому что она прекрасно знала, что любить её не за что, и никто, разумеется, не станет относиться к ней хоть с какой-то симпатией. Но, так или иначе, а время от времени воспитатели даже жаловались маме на Олеськину нелюдимость и необщительность и советовали показать её невропатологу, поскольку своим намёганным опытным педагогическим глазом различали у неё явные проблемы с психикой. Но мама, к счастью для Олеси, - а может быть, к сожалению, - не позволяла никому критиковать своего ребёнка, и любые замечание подобного рода встречала в штыки. На подобные мелочи в поведении своей дочери она не обращала внимания. Её вечно тревожило нечто совершенно иное в характере и поступках девочки. А её замкнутость и нелюдимость она, скорее, наоборот поддерживала и поощряла. Ведь только так, полностью контролируя свою дочь, практически не позволяя ей общаться ни с кем, кроме неё самой, она могла быть уверена в том, что девочка целиком и полностью принадлежит одной только ей.

Это для мамы было очень важно. Наверное, она очень любила свою дочь, раз не отпускала её ни на шаг от себя и не позволяла ей даже думать самостоятельно. Но только это была какая-то очень странная собственническая любовь, удушающая человека и полностью ломающая его психику. И, наверное, будь на месте Олеськи любой другой ребёнок, он просто с самого начала отдался бы на волю волн и поплыл по течению, безвольный, не способный принимать никаких решений, покорный судьбе и подвластный обстоятельствам. А в роли судьбы и обстоятельств выступала бы его собственная мама... Но в Олеське, несмотря на её подавленность жизнью уже в том нежном возрасте, был какой-то стержень, который не давал ей согнуться

и помогал остаться самой собой, несмотря на влияние окружающих факторов. Робкая испуганная девочка на самом деле была личностью, морально уничтожить которую было не так-то просто. На это потребовалось время... Много времени...

А тогда она была всего лишь маленьким ребёнком, ходившим в садик...

Разумеется, поскольку Олеська пребывала в твёрдой уверенности, что и воспитатели, и другие дети её терпеть не могут, то стоит ли упоминать, что садик она не слишком любила. Правда, именно там она встретила свою первую любовь. Мальчика звали Алёша Сапожников, и он ей ужасно нравился, хотя позже, хоть убей, она не могла вспомнить, чем именно. Но они даже играли с ним в свадьбу, - почти каждый день на протяжении многих месяцев, - и в такие моменты Олеся, как, наверное, и любая другая новобрачная, чувствовала себя просто на седьмом небе от счастья.

Правда, при этом нельзя было не отметить, что сценарий этой их вечной любви был как-то слишком уж незамысловат. Олеся надевала на голову белую скатерть, олицетворявшую собой, разумеется, подвенечную фату, и Алёша на игрушечном грузовике вёз её в ЗАГС, находящийся на другом конце группы. Там они с ним произносили какие-то непонятные даже им самим слова и клятвы, под весьма завистливыми, надо признаться, взглядами других девочек, которых никто почему-то замуж пока не брал. А потом они все вместе, окружённые многочисленными «родственниками» и друзьями, ехали «домой», отмечать столь знаменательное событие. За праздничным столом Лёшка «напивался» и начинал вести себя так безобразно, что на этом самом месте игра, как правило, и заканчивалась.

Такая концовка вовсе даже не внушала Олеське особого энтузиазма, и она, как истинная многострадальная женщина, каждый раз буквально умоляла своего «супруга» не пить так много и не безобразничать. Какой безошибочный инстинкт подсказывал девочке, никогда ещё не видевшей воочию пьяных мужчин, как следует вести себя в подобной ситуации?.. Но, тоже как истинный русский мужик, Алёша, разумеется, оставался глух к её мольбам, и всё повторялось сначала, из раза в раз, пока Олеське всё это окончательно не надоело.

Лишь став уже значительно старше, Олеся начала осознавать, что Лёша, по всей видимости, попросту подсознательно копировал поведение своего собственного отца, и другой схемы отношений, к сожалению, просто не представлял. Но ей даже тогда всё это было ужасно дико. И она твёрдо знала, что в её семье ничего подобного никогда не будет.

Когда Олесе было пять лет, она узнала, что у неё скоро родится младший братик. Они очень ждали его всей семьёй, - и Олеська в особенности. Мама никогда не рассказывала ей никаких сказок про многострадальную капусту и несчастных аистов, и она, будучи уже тогда смышленной не по годам, прекрасно понимала, что малыш сидит у мамы в животике. И тогда её ещё совершенно не тревожил вопрос о том, как он туда попал, и каким образом он оттуда, в конце концов, выберется. Возможно, где-то краем уха она слышала разговоры взрослых о том, что женщине в положенное время разрезают живот и вынимают оттуда младенца, потому что в её голове на тот момент существовала именно такая версия, и она её вполне устраивала. И, наверное, она ещё долго продолжала бы придерживаться подобной легенды, если бы не наивность её собственной тёти.

Когда маму увезли в роддом, Олесю на пару дней отправили к бабушке, которая жила тогда вместе со своей младшей дочерью, шестнадцатилетней Элей. Правда, это Олеся уже гораздо позже поняла, что Эля и сама-то была тогда совсем ещё ребёнком, но в то время юная тётушка казалась ей уже совершенно взрослой женщиной. Правда, к слову сказать, и сама Олеся, в свои пять с половиной лет, представлялась самой себе уже полностью подростком и знающей всё на свете. И когда она, разумеется, с очень взрослым видом начала рассказывать своим бабушке и тёте о том, как в больнице маме разрежут животик и вынут оттуда маленького братика, простодушная Эля умудрилась испортить всё впечатление, повернувшись к матери и воскликнув с непередаваемым ужасом в голосе:

- Мама, а разве ей разрезали живот?!

Бабушка тут же весьма активно и выразительно заморгала дочери, приказывая ей немедленно замолчать. И Эля, естественно, прекрасно всё поняла и не задавала больше никаких глупых вопросов. Но было уже слишком поздно. К сожалению для них, на тот момент Олеся была действительно уже очень взрослой и разумной девочкой, чтобы прекрасно уловить этот странный обмен встревоженными взглядами. И для неё он был столь же очевиден, как все их произнесённые слова.

Впервые в жизни она осознала, что ей лгут. И ей это, надо признаться, очень даже не понравилось. А ещё она впервые в жизни почувствовала себя круглой душой, которая совершенно ничего не знает и не понимает, и от которой близкие люди скрывают нечто очень важное.

Но тогда Олеся не стала ничего говорить им вслух. Видимо, каким-то шестым чувством она осознавала, что её несчастные родственницы не со зла пытаются обмануть её. Просто они сами были смущены, напуганы и растеряны, и при этом почему-то очень не хотели, чтобы Олеска узнала правду. И, обладая, видимо, уже в том нежном возрасте какими-то зачатками чувства такта, в дальнейшем значительно усложнившего ей жизнь, Олеся не стала тревожить их ещё больше и тут же сделала вид, будто ничего не заметила.

Младший брат сразу же стал всеобщим любимцем в их семье. А Олеска как-то незаметно сама собой отодвинулась на самый задний план. Для неё это, надо признаться, оказалось весьма болезненной неожиданностью. Не так-то просто было в пять с половиной лет услышать от своей обожаемой мамочки довольно-таки жестокие и суровые слова:

- Ты у нас уже взрослая! И ты должна вести себя соответственно, а не хныкать, как маленький ребёнок!

Эти её страшные и запугивающие слова определили всю дальнейшую Олескину жизнь. Именно тогда, в свои неполные шесть лет, она стала взрослой. Её детство закончилось. Отныне от неё всегда требовалось, чтобы она вела себя, как взрослая, говорила, как взрослая, и даже думала, как взрослая, - и спрос с неё с тех пор был такой же, как с полностью взрослого дееспособного человека. Никогда больше её мама, которая на тот момент в буквальном смысле слова олицетворяла для неё Вселенную, не посмотрит на неё, как на ребёнка. Ребёнком, - и, причём, вечным, - станет для неё Олескин брат. Именно он отныне будет иметь все те права, которых в одночасье была лишена его сестра: право быть маленьким и глупым, право безобразничать и пакостничать, право издеваться над ней и неизменно оставаться при этом безнаказанным. А великовозрастная Олеска не имела больше права даже обидеться на такую несправедливость и пожаловаться на него маме. Потому что с рождением брата её почему-то сразу же лишили всех прав. Ей достались одни лишь обязанности. Олеся обязана была в один миг стать взрослой и умной, целыми днями, как истинная будущая женщина, помогать маме, прибираться в квартире и готовить, ухаживать за своим братом и всячески улаживать его, потому что он маленький, добрый и милый. Сама же Олеска почему-то вдруг в одночасье стала большой, вредной и злобной, потому что в глубине души она так и не смогла смириться с таким положением вещей и так и не научилась молиться этому довольно жестокому, надо заметить, и даже весьма подлому идолу, которому единодушно поклонялась вся её семья.

Да, у Олесиной мамы нельзя было отнять одного: детей она воспитывала строго по правилам, при помощи кнута и пряника. И, наверное, это всего лишь досадная случайность, - то, что, независимо от прегрешения, кнут всегда доставался старшему, а пряник - младшему. Просто так карты легли... И никто в этом не был виноват...

Всё это было бы, наверное, не так обидно, если бы Олескин милый братик был действительно таким славным и добрым существом, каким весьма ошибочно считала его мама. Но это, к сожалению, было невероятно далеко от истины. Таким он являлся только лишь в её обожающих глазах. На самом деле это был самый настоящий избалованный и испорченный маленький

принц, которому ещё с пелёнок внушили мысль о его собственном превосходстве над всеми другими людьми, - и, в первую очередь, разумеется, над старшей сестрой, - и вёл он себя всегда соответственно этому сделанному ему не совсем невинному внушению.

Впрочем, тогда Олескины рассуждения были, разумеется, гораздо проще и примитивнее. Несмотря ни на что, она любила своего младшего братишку и изо всех сил старалась не ревновать маму к нему. Но временами это было ой как непросто!.. Что же касается их отца, - то он, и раньше-то никогда не баловавший особенно своим вниманием старшую дочь, теперь вообще однозначно давал понять, что для него существует только лишь сын. Но это Олеся ещё смогла бы пережить, поскольку почти за шесть лет её жизни отец так и не стал для неё родным человеком, а по-прежнему оставался грубым и крикливым незнакомцем, от которого она всегда инстинктивно старалась держаться подальше. Настоящая трагедия для Олеси заключалась в том, что и её мама, к сожалению, не приложила ни малейших усилий для того, чтобы хоть как-то выправить сложившуюся в семье ситуацию. Сашуленька с самого начала был её маленьким ангелочком, на которого она не могла налюбоваться. Он был для неё самым замечательным ребёнком в мире: самым красивым, самым талантливым, самым умным. Он был просто сосредоточием всех возможных человеческих достоинств и не имел ни одного недостатка. Тогда как Олеска... Она была всего лишь нелюбимой старшей дочерью. Некрасивой, неловкой, неповоротливой и нерасторопной. Она ничего не умела и, несмотря на все тщетные попытки мамы обучить её домашнему хозяйству, по-прежнему никак не могла даже научиться тряпку держать в руках по-человечески и ничего не могла сделать нормально... И мама никогда не жалела для неё весьма нелестных эпитетов, даже самый скромный из которых едва ли может появиться на этих страницах из соображений морали и этики...

Олесе было шесть лет. И она уже тогда твёрдо знала, что хуже её нет никого в этом мире, и она не заслуживает ни малейшего снисхождения. Но она всё ещё была преисполнена надежды изменить свой отвратительный характер и стать в самом ближайшем будущем хорошей доброй девочкой, - такой, какой хотела видеть её несчастная мама...

К сожалению, из этого так ничего никогда и не вышло. И не по Олескиной вине. Просто всевозможные многочисленные пороки, укоренившиеся в ней уже в столь нежном возрасте, истребить было уже попросту невозможно. Несмотря на свою юность, Олеся была конченным человеком. И она прекрасно это осознавала даже тогда.

К тому же, против неё, похоже, уже тогда ополчились все боги на свете. Двухмесячный Сашуленька серьёзно заболел. У него обнаружили стафилококковую инфекцию, занесённую во время родов. И, несмотря на своевременно сделанную операцию, прошедшую, к счастью, успешно, почти до двух лет существовала опасность, что он может остаться инвалидом. С этого момента Олеся окончательно перестала быть нужной своим родителям и оказалась полностью предоставленной самой себе.

Несмотря на то, что после удачной операции Сашуля совершенно ничем не отличался от других детей своего возраста, для мамы он навсегда остался «слабеньким, больным и требующим серьёзного ухода». Всё её внимание отныне окончательно было поглощено им одним. И при этом никого, к сожалению, совершенно не тревожил тот факт, что его старшая сестра всегда чувствовала себя полностью обделённой вниманием и брошенной. Она была не просто одинока. Она была абсолютно одна в целом мире. Её кормили, одевали и выгуливали, как собачку; с нею даже разговаривали время от времени; но она никогда не чувствовала себя членом их благополучной счастливой дружной семьи. Любили ли они её тогда хоть немного?.. И, если да, то почему они всегда все были так равнодушны и бесчувственны по отношению к ней?..

Но, как говорится, нет худа без добра. И, пока мама была так сильно занята младшим братом, Олеся почти полностью самостоятельно научилась читать и полюбила книги. С тех пор они, в буквальном смысле слова, стали для неё постоянными спутниками жизни и лучшими

друзьями. И, по всей видимости, именно благодаря им, в Олеськиной детской душе проснулось тщеславие. Уже тогда, в том юном возрасте, она отчаянно, до слёз, завидовала тем, о ком они были написаны. И в своих смелых мечтах Олеся очень реально представляла себе, как вырастет, насвершает уйму подвигов, непременно станет знаменитой и всеми почитаемой, и тогда о ней тоже напишут книги. На каком-то этапе своей жизни она даже начала вести себя так, чтобы людям потом было интересно читать об этом. Так что, скорее всего, в детстве Олеськин столь рано и неожиданно проявившийся непреклонный и на редкость принципиальный характер был, - отчасти, разумеется, - лишь хорошо продуманной и тщательно отрепетированной игрой, нежели действительно проявлением её, якобы, безумно сложной и многогранной натуры. Хотя, наверное, если бы у неё изначально не было подобных задатков, ей при всём старании никогда не удалось бы стать именно такой.

Но суть проблемы заключалась в том, что Олеська, по простоте душевной, действительно совершенно искренне поверила тогда в ожидавшее её прекрасное и лучезарное будущее. И уже с ранних лет старалась всю соответствовать этому своему придуманному образу, хотя пока, в силу своей воистину непробиваемой наивности, даже и не задавалась вопросом о том, как же она всего этого добьётся?.. Тогда ей просто казалось, что всё должно произойти как-то само собой.

Похоже, она была фаталисткой уже с самого рождения.

После появления брата Олеську сняли с садика, - к её неопишуемой радости, - и она просто сидела дома с мамой и старалась в меру своих пока ещё скромных сил помогать ей во всём. И уже тогда она не просто мечтала о школе, - она буквально грезила ею. Но ждать ей, увы, оставалось ещё целый год, а пока Олеська изо всех сил старалась хоть чему-то обучить своего маленького братика. Нисколько не кривя душой, можно было сказать, что тогда она ещё очень сильно любила его, - даже несмотря на то, что никак не могла избавиться от некоторой ревности по отношению к нему. Но на тех порах, что греха таить, братик казался Олеське совершенно глупым и бестолковым, - что было, впрочем, совершенно неудивительно, если учесть, что он был тогда всего лишь грудным младенцем. Но, к сожалению, Господь Бог, раздавая в своё время таланты, действительно просто забыл наградить её ещё и педагогическим даром.

На самом деле, если уж говорить совершенно объективно, Олеська была незлым ребёнком. Слишком сложным для своего возраста, замкнутым, - возможно, где-то даже нетерпимым и резким, - но вовсе не плохим. Самым страшным её недостатком было, пожалуй, то, что она была слишком уж развитой для своих лет. И чересчур взрослой. Зато, несмотря на все попытки её родителей превратить её в слабое безвольное существо, уже тогда она умела думать, рассуждать и принимать самостоятельные решения. Именно это, наверное, в скором времени поможет ей стать лучшей ученицей в классе. И именно это, вне всякого сомнения, всегда будет мешать ей жить...

Насколько Олеська себя помнила, другие дети почему-то всегда сторонились её и - хотя и совершенно необоснованно, на её взгляд, - считали её слишком гордой задавакой, хотя у неё и в мыслях не было ничего подобного. Напротив, ей всегда искренне хотелось подружиться со своими ровесниками, но из этого никак ничего не получалось. Другие ребята относились к Олесе с каким-то непонятным ей подозрением и предубеждением, стараясь по возможности задеть побольше или унижить, и со временем она научилась противостоять им. Словно в подтверждение того, что она действительно высокомерная задавака, Олеся, в ответ на их далеко не самые безобидные уколы, только задирала свой носик ещё выше, демонстрируя таким образом полнейшее презрение и пренебрежение к своим обидчикам. И никто не знал, что она делала это лишь для того, чтобы не показать, как ей на самом деле больно. Но даже она сама начала осознавать истинные причины всего этого уже гораздо позже.

А всё дело было в том, что Олеська, - и об этом можно было говорить без лишней скромности, - на том этапе действительно была на целую голову выше всех остальных ребят. Она

была слишком уж разумной, - совершенно, надо заметить, не по годам, - чересчур начитанной и грамотной. И, что самое смешное, - но в силу своей просто потрясающей наивности она действительно искренне верила в то, что окружающие её люди на самом деле такие же честные и порядочные, как в старых добрых книгах. Увы, но осознание того, что всё это совсем не так, придёт к ней гораздо позже. А пока она просто не научилась ещё отличать книги от реальной жизни, и поэтому изо всех сил пыталась сама соответствовать таким вот довольно завышенным, надо признаться, жизненным стандартам. И, чем больше она прилагала усилий к тому, чтобы быть безукоризненной, тем страшнее и болезненнее было для неё разочарование в окружающем её мире.

К тому же, вдобавок ко всем многочисленным недостаткам, в школе у Олеськи обнаружились явные задатки лидера. Возможно, будь она чуть попроще, - и другие дети сами потянулись бы к ней, привлечённые её сильным характером, уже тогда достаточно закалённым в борьбе с жизненными невзгодами, и удивительными организаторскими способностями. Но тогда она уже была бы не она. И поэтому, даже осознавая, что сверстников отталкивает её явная независимость и гордый, непрístupный вид, она ничего не могла с собой поделать. Да и не пыталась, - если уж говорить начистоту. Она и без того считала себя выше всех своих одноклассников и не желала опускаться до их уровня, который казался Олеське просто плачевно низким.

Кстати, она всегда чувствовала, что другие ребята относятся к ней с невольным уважением, видимо, непроизвольно всё-таки признавая её честность и принципиальность. Но принимать её в свою компанию они как-то не слишком спешили.

А Олеська изо всех сил делала вид, будто ей это совсем и не нужно. И получалось это у неё, надо заметить, довольно-таки правдоподобно. По крайней мере, она была твёрдо уверена в одном: никто и никогда так и не догадался о том, как страдала она на самом деле от этого своего вынужденного одиночества...

И всё-таки, именно тогда, в первом классе, у Олеськи появилась, наконец-то, первая подруга. В садике она вообще никогда и ни с кем особенно не дружила, - к тому же, она уже слишком давно туда не ходила, - а с этой девочкой они познакомились на сборе перед первым сентября. Точнее, познакомились, разумеется, сначала их мамы, которые тут же решили, что их дочери непременно должны поладить между собой. И они, отчасти, оказались правы.

Так что первый раз в первый класс Олеся с Наташей пошли вместе. В кабинете они сели за одну парту, - третью в среднем ряду, как посоветовали им их мамы. Наташа была простой веселой девчонкой, с которой практически невозможно было не поладить, и Олеська, по простоте душевной, сразу же искренне поверила в то, что это будет настоящая дружба, на всю оставшуюся жизнь.

Она была тогда ещё наивной просто до безумия.

Наташа прекрасно рисовала, и, сидя рядом с ней на уроках, Олеся просто не могла отвести глаз от её воистину волшебных пальцев. А кроме того, её приводили в неописуемый восторг её короткие вьющиеся волосы, которые саму Наташу почему-то всё время раздражали. Но Олеська, - как, впрочем, наверное, и многие девочки, имеющие от природы прямые волосы, - всегда метала о таких вот забавных кудряшках. И поэтому ей было совершенно непонятно искреннее желание Наташи распрямить их.

В общем, Олеська просто обожала свою первую подругу, всеми силами своей одинокой и истосковавшейся по дружбе души. И готова была ради неё буквально на всё на свете.

Свою первую учительницу Наталию Александровну Олеська тоже полюбила сразу же и безоговорочно, - да так сильно, что её мама, похоже, даже невольно начала испытывать ревность по отношению к этой молодой женщине, которой без раздумий отдала сердце её непокорная и неуправляемая дочь. Правда, мама ни разу не сказала Олесе об учительнице ни одного плохого слова, - но постоянно были какие-то почти невнятные намёки и недомолвки, воспринимаемые Олесей тогда ещё на чисто подсознательном уровне, из которых она иногда с грустью

для себя делала невольные выводы, что её мама вовсе даже и не в восторге от того, то отныне ей приходится делить привязанность дочери с кем-то ещё. Олеське было немного обидно это осознавать, потому что любому чувству, - как положительному, так и отрицательному, - она всегда отдавалась целиком и полностью, и для неё было весьма болезненным уже только одно лишь предположение о том, что мама может не разделять его с ней в полной мере. Тем более, что мама всегда была для Олеси непререкаемым авторитетом, и дочь доверяла её мнению безоговорочно и на все сто процентов. А в данном конкретном случае получалось, что Олеська как бы испытывала привязанность к другому человеку вопреки воле мамы, рискуя, в конце концов, вызвать её несомненное неудовольствие. Но Олеськины чувства к Наталии Александровне... Несмотря на явное недовольство и даже осуждение мамы, это было выше её понимания и не подвластно никаким доводам разума.

Да иначе, если уж говорить начистоту, наверное, и быть не могло. Наталия Александровна всегда относилась к ним всем с такой неподдельной любовью и нежностью, о которой можно было только мечтать, и не ответить на неё тем же самым было просто невозможно. А кроме того, как это ни странно, но она умудрялась быть одинаково ласковой и сердечной со всеми, без исключения, - даже с самыми отъявленными двоечниками и хулиганами, - и дети, видимо, подсознательно чувствуя это, тянулись к ней и старались стать лучше.

А что касается самой Олеськи, то она полюбила свою первую учительницу ещё и за то, что Наталия Александровна, словно заметив какую-то особую незаурядность девочки и выделив её из числа других ребят, назначила её командиром звёздочки. Никто, кроме мамы, разумеется, не знал, как гордилась Олеська этим почётным для неё званием, и какое неопишное удовольствие доставляло ей видеть каждый день свою маленькую фотографию в центре большой нарисованной звёздочки с лучиками-одноклассниками по сторонам, висящую в классном уголке.

Кстати будет тут отметить, что Наталия Александровна оказалась единственной учительницей в жизни Олеси, которую действительно совершенно не пугала её незаурядность и непохожесть на других детей. И она никогда не пыталась сломить её, а, напротив, всегда ненавязчиво давала ей понять, что Олеське просто необходимо, во что бы то ни стало, сберечь эту свою индивидуальность и ни в коем случае не поддаваться тем, кто будет пытаться с ней бороться. И она была права, - именно это и делали впоследствии все без исключения другие учителя. Как это ни странно, но как раз Олеськин сильный негибимый характер и её принципиальность, которые так восхищали Наталию Александровну, в глазах всех остальных стали непреодолимым препятствием для нормальных отношений с этой девочкой. А сама Олеська со временем превратилась в нечто вроде ходячего вызова обыденным устоям нашего общества, который необходимо было обломать любыми способами. Но, к счастью для самой Олеськи, - или же, напротив, к сожалению, - это так никому и не удавалось до поры, до времени, и на протяжении всех долгих лет учёбы для неё всегда было своеобразным и небезосновательным поводом для гордости то, что никто из окружающих её взрослых так и не смог ни запугать её, ни покорить.

Правда, к сожалению, именно столь любимая Олеськой Наталия Александровна невольно поспособствовала тому, что вечная и нерушимая дружба с Наташей, о которой Олеська буквально грезилась, так и осталась для неё несбыточной мечтой. Посчитав в один не слишком прекрасный день, что девочки слишком много болтают на уроках, она рассадила их за разные парты. При этом Олеську она посадила с довольно симпатичным мальчиком по имени Дима, а Наташу - с очень тихой и скромной девочкой Леной, которая Олеське никогда особенно не нравилась, потому что с самого начала казалась ей какой-то забитой, неразговорчивой и совершенно невыразительной.

Но, к её величайшему изумлению, - и к жуткому огорчению, надо признаться, - Наташа и Лена очень быстро нашли общий язык и стали действительно неразлучны. Их на многие годы соединила та самая крепкая и нерушимая дружба, о которой Олеська так долго и безнадежно

мечтала. Но ей так никогда и не удалось найти её. А вот у Наташи и Лены всё получилось словно само собой. Возможно, этому поспособствовало ещё и то, что они обе посещали группу продлённого дня, и это сплотило их ещё больше.

В общем, как ни печально Олеське было это осознать, но вскоре ей пришлось признать, что у её самой лучшей подружки появилась ещё куда более близкая подруга, чем она. И это было по-настоящему больно.

Поначалу Олеська ревновала просто безумно. Правда, она тогда ещё даже и слова-то такого не знала – ревность, - но при виде этой ставшей вдруг неразлучной парочки у неё сердце в груди как-то странно ёкало, и ей хотелось плакать просто навзрыд.

Она даже на какое-то время уговорила маму записать её в продлёнку, хотя в этом совершенно не было никакой необходимости, - к тому же, Олеське там ужасно не понравилось. Но она всего лишь хотела быть поближе к Наташе, чтобы не позволить этой коварной и зловредной Лене разрушить их такую чудесную дружбу. Но, к сожалению, даже это ей не помогло. И, некоторое время спустя, она вынуждена была просто отступить, потому что поняла, что не стоит им мешать. Да это и невозможно было сделать. Несмотря на все Олеськины старания, дружба Наташи и Лены оказалась действительно на редкость прочной, на всю жизнь, и разрушить её было просто невыносимо. И Олеська смирилась, - хотя ей, признаться честно, с её не самым покладистым характером, это далось совсем непросто.

А в скором времени она даже перестала обижаться на Наталию Александровну за то, что она посадила её вместе с мальчишкой. Они прекрасно поладили с Димкой, а сидеть с ним за одной партой оказалось даже гораздо более интересно, чем с Наташей. Правда, - видимо, этот рок будет тяготеть над ней всю её жизнь, - эта их дружба тоже была какой-то очень странной. Она продолжалась только лишь на уроках. И, несмотря на то, что одноклассники всегда поддразнивали их, все годы совместной учёбы они с ним не только не пытались общаться за пределами школы, но даже и не здоровались. Хотя Олеська-то была как раз очень даже не против этого. Димка нравился ей. Она ему, по словам его мамы, тоже. Но, увы, - видимо, это просто была не судьба!..

Во втором классе у Олеси появилась новая подружка – Ира Лебедева. Это была очень красивая девочка, прекрасно знающая себе цену. И, хотя зеркало упорно твердило Олеське, что внешне она гораздо более привлекательна, чем Ира, в глубине души она, признаться честно, даже немного ей завидовала. К тому же, что оказалось весьма немаловажным в тот момент, - училась Ира так же хорошо, как и Олеська, - в отличие, кстати, от той же Наташи, у которой, к сожалению, были весьма средние способности. Так что Олеська с Ирой долгое время были как бы на равных, и никто из них не претендовал на роль лидера. Олеську это вполне устраивало. И Иру, похоже, тоже.

Правда, Ира всегда казалась достаточно эмоциональной Олесе какой-то сухой и совершенно бесчувственной, - видимо, в силу полного внешнего отсутствия у неё каких бы то ни было эмоций. Её очень трудно было полюбить, поскольку сразу же было ясно, что она сама никого не любит, и любому чувству по отношению к ней предстоит остаться безответным. Но, несмотря на это, некоторое время они с ней действительно были неразлучны. Причём, и в школе, и за её пределами. И, вопреки тому, что в душе Олеська прекрасно понимала, как мало у них с Ирой было общего, - честно говоря, его вообще попросту не было, - Олеська, в силу своей просто непробиваемой патологической наивности, опять почему-то искренне поверила в то, что эта их дружба будет вечной. И никто и никогда не сможет её разрушить...

Что же делать, - некоторым людям просто по жизни свойственно наступать на одни и те же грабли. И Олеська, очевидно, относилась к их числу.

А потом, где-то под Новый год, в их классе состоялись пере выборы командиров звёздочек. На свой счёт Олеська была совершенно спокойна. Она всегда ужасно гордилась этим своим почётным званием, - хотя скорее умерла, чем призналась бы в этом, - и она ни капли не

сомневалась в том, что её выберут снова. Других вариантов, на её взгляд, даже и быть не могло, - ведь она и училась лучше всех в своей звёздочке, и с общественной работой справлялась, что было в те далёкие времена весьма немаловажным фактором, и с удовольствием выполняла любые поручения, которые давала ей Наталия Александровна. Так что в тот день она даже и мысли не допускала о том, что вместо неё могут выбрать кого-то другого.

Вот эта-то излишняя самоуверенность её, похоже, в конечном итоге, и подвела. Потому что именно из-за неё Олесья оказалась совершенно не готова к тому, что её ожидало. Если бы у неё изначально были хоть какие-то самые минимальные сомнения на свой счёт, тогда случившееся не стало бы для неё таким шоком. Но в том-то всё и дело, что их у неё совершенно не было. В тот роковой день она была уверена в себе на все сто процентов.

Олесья не слишком прислушивалась к происходящему, пока не подошла очередь их звёздочки. Вот тут-то она, разумеется, вся обратилась во внимание. Первая подняла руку Ира. Олеська была настолько глупа, что с трудом сумела сдержать самодовольную улыбку и изо всех сил попыталась принять незаинтересованный и независимый вид. Она ни на миг не усомнилась в том, что её лучшая подруга, конечно же, прекрасно понимающая, как много значит для Олеськи этот почётный пост, собирается предложить именно её. Других мыслей в её неразумной голове на тот момент попросту не было. И поэтому прозвучавшие тогда в полной тишине слова подруги просто уничтожили её в буквальном смысле этого слова.

Наталия Александровна с доброй улыбкой кивнула Ире, видимо, тоже несколько не сомневаясь в конечном результате этих, в принципе, чисто символических выборов. В глазах обожаемой учительницы Олеська видела поддержку и полное одобрение. Ира встала и, почему-то совершенно не глядя на подругу, спокойно проговорила:

- Я предлагаю Катю Торкачёву!

Олеське показалось, что мир взорвался у неё перед глазами и рассыпался на тысячи мелких разноцветных осколков. У неё дико закружилась голова, и в какое-то жуткое мгновение она даже испугалась, что сейчас попросту потеряет сознание. Меньше всего на свете она как-то ожидала сейчас таких слов, - да ещё из уст своей самой лучшей подруги. Так что не удивительно, что Олеська оказалась совершенно не готова к такому повороту событий.

И это было тем более обидно, что предложенная Ирой кандидатура была для их звёздочки, явно, не самым лучшим вариантом. Катя была девочкой из неблагополучной многодетной семьи со всеми вытекающими отсюда последствиями. Она и училась не слишком хорошо, - едва-едва перескакивала с тройки на четвёрку, - и красотой особой не отличалась, да и какой-то примечательной индивидуальностью никогда не блистала. Но зато, несмотря на свои всего лишь восемь лет, была, как и многие такие отягощённые не слишком трезвыми родителями дети, очень уж грубой и вульгарной.

Но дело, по всей видимости, было в том, что Ира с Катей, - Олеська почему-то только сейчас об этом вспомнила, - жили в одном подъезде, ходили в одну и ту же группу в садике и вообще дружили чуть ли не с колыбели. И, похоже, именно эта их старая дружба на поверку оказалась гораздо прочнее новой, не успевшей ещё, по всей видимости, как следует окрепнуть.

Олеське показалось, что даже в глазах Наталии Александровны промелькнуло удивление и разочарование. Но, сумев скрыть свои чувства от всех остальных, она всё-таки предложила проголосовать за кандидатуру Кати. Олесья подняла руку первая. Новый командир звёздочки был выбран единогласно.

Потом Олеська даже не могла вспомнить, как её удалось в тот день досидеть до конца уроков и добраться до дома. Едва закрыв за собой входную дверь, она разрыдалась в полный голос. Она даже и не осознавала тогда ещё до конца, из-за чего конкретно это она так горько плачет. Просто в тот день весь мир для неё перевернулся. Именно тогда она вдруг впервые осознала то, что раньше ей как-то и в голову-то не приходило, но зато потом, в её дальнейшей жизни, превратится для неё в прописную истину. Олесья поняла, что даже те люди, которых

ты считаешь своими друзьями и которым доверяешь на все сто процентов, как самому себе, в любой момент могут тебя предать. И никто в целом мире не может быть застрахован от этого.

Вернувшись вечером с работы мама застала её всё ещё всхлипывающей и размазывающей по щекам горькие слёзы. И для неё, разумеется, не составило особого труда выяснить, что же произошло с дочерью. Естественно, рассказывая маме о событиях этого жуткого для неё дня, Олеська снова разрыдалась навзрыд, всё ещё не в силах прийти в себя и до конца поверить в саму вероятность такого жуткого предательства. Но, тем не менее, это действительно с ней случилось. И изменить теперь хоть что-либо было попросту невозможно.

Мама слушала Олеську очень внимательно, прекрасно, очевидно, понимая её состояние, но даже ей было не под силу успокоить её сейчас. Она лишь попыталась осторожно объяснить дочери, что это ещё далеко не самое страшное, что может произойти с ней в её жизни. Мама говорила, что впереди её ждут ещё гораздо более серьёзные трагедии, на фоне которых то, что случилось сегодня в школе, покажется ей когда-нибудь совершенно глупым и наивным. Но Олеська тогда не поверила ей. Она просто не хотела ей верить. Она искренне полагала тогда, что ничего страшнее этого предательства уже просто не может быть. Если бы только это действительно оказалось именно так!..

Но тогда, словно находясь в состоянии какого-то странного полубытья, Олеська только снова и снова, как заклинание, повторяла одно и то же:

- Почему она так поступила со мной? Почему?.. Как она могла?.. Я же считала её своей самой лучшей подругой!..

В ответ мама, стараясь успокоить её, попыталась напомнить ей то, что даже для самой Олеськи давно уже стало ясным и понятным:

- Ты не забывай, что Ира и Катя дружат уже много лет, с самого раннего детства! Возможно, Катя попросила её предложить её кандидатуру, и это оказалось для Иры гораздо более важным, чем дружба с тобой! Поэтому она её и предложила!

Да, этот факт давно уже стал очевидным даже для самой Олеськи. Но она всё равно пока не в силах была осознать всего этого до конца, а главное, не способна была смириться с происшедшим и принять это, как должное.

Уже тогда, во втором классе, было очевидно, что у бедной Олеськи непременно могут возникнуть проблемы в дальнейшей жизни. У неё, к сожалению, были слишком уж завышенные требования по отношению к другим людям, и с такими необычными понятиями её жизнь должна была сложиться ой как непросто!..

Но всё когда-нибудь проходит, - хоть и не совсем бесследно. И понемногу эта боль, казавшаяся когда-то Олеське такой всепоглощающей, тоже позабылась. Она даже не порвала окончательно отношения с Ирой, хотя поначалу именно так и собиралась поступить. Но, не будучи особенно глупой, Олеська вовремя сумела сообразить, что с её стороны это будет аналогично прямому признанию в том, что Ире действительно удалось причинить ей боль. А такого удовольствия она ей доставлять не собиралась ни при каких условиях.

Поэтому Олеське, хотя и не без труда, - поскольку внутри у неё всё буквально протестовало против такой несправедливости, к тому же, оставшейся совершенно безнаказанной, - удалось сохранить видимость прежней дружбы. И с Ирой, и с Катей, и со всеми остальными одноклассниками, которые, разумеется, даже и не заметили происшедшей где-то совсем рядом с ними трагедии. Просто в душе она зареклась ещё когда-либо сблизиться хоть с кем-то из них, чтобы впредь больше никто и никогда не смог причинить ей боль.

К сожалению, следует признаться, что эта весьма разумная мера предосторожности мало, чем помогла ей в дальнейшем. Глупой Олеське всегда слишком уж хотелось иметь рядом близких друзей. Она мечтала о вечной дружбе, плакала над фильмами о гардемаринах и мушкетёрах и не сомневалась в том, что когда-нибудь у неё всё будет так же, как и у них. И поэтому Олеська, отдаваясь каждому новому посетившему её чувству целиком и полностью, до поры,

до времени старалась замечать в людях только хорошее. И когда же ей, наконец, неожиданно открывалось то плохое, что было в них, обыкновенно бывало уже слишком поздно. Она уже успевала не на шутку привязаться к этому человеку, и очередное постигшее её разочарование заставляло её тяжело страдать.

Есть люди, которым не свойственно учиться даже на собственных ошибках. И они упорно, вновь и вновь, наступают на одни и те же грабли. И Олеська, похоже, была как раз из таких людей.

Несмотря на то, что она прилагала просто титанические усилия для того, чтобы поддерживать со всеми одноклассниками хорошие ровные дружеские отношения, они её всё равно никогда не любили. Да в этом и не было ничего удивительного. Так же, наверное, как и в садике в своё время, да и вообще везде, где бы она только не появлялась, даже просто на улице, - другие дети очень остро ощущали её непохожесть на них. Хотя, вроде бы, как казалось самой Олеське по простоте душевной, внешне эти её особенности почти никак не проявлялись. Она изо всех сил старалась ни с кем не ссориться, не участвовала ни в каких конфликтах и разбирательствах, даже ни капли не стремилась быть лидером, хотя, несомненно, имела все задатки для этого. Более того, она даже пыталась по возможности держать своё мнение при себе и никогда никому его не навязывать. Но уж как-то так получалось, - совершенно произвольно, кстати, - что это самое мнение у неё всегда было, по любому вопросу, и все откуда-то это знали. И всех без исключения, - и детей, и взрослых, - это неизменно раздражало.

А кроме того, Олеськина беда заключалась ещё и в том, что она всегда была слишком взрослой в сравнении со своими сверстниками и чересчур независимой в суждениях. Она не входила ни в какие компании, не подчинялась чужим авторитетам и, после первых же неудачных экспериментов с подругами, не стремилась больше сойтись с кем-либо из них поближе.

Без ложной скромности, Олеська всегда осознавала, что является одной из самых красивых девочек в классе, и поэтому, вроде бы, без сомнения, должна была нравиться мальчикам. Но она всегда весьма неадекватно реагировала на их «ухаживания», - с точки зрения всех остальных, разумеется. Если другие девочки лишь застенчиво хихикали, когда их дёргали за косички, или же даже попросту плакали и убегали, - в ответ на какие-то более серьёзные тычки и обиды, - то Олеська, не раздумывая ни секунды, тут же поворачивалась и давала сдачи. Так что было совершенно не удивительно, что с каждым годом учёбы желающих задеть её становилось всё меньше. Но, разумеется, популярности в глазах одноклассников такое поведение ей совершенно не прибавляло, и поэтому даже мальчики, что греха таить, не слишком любили её за такой крутой характер, даже несмотря на её на редкость смазливую физиономию. Так что у Олеськи никогда не было среди них ни друзей, ни поклонников. Правда, при этом она всегда чувствовала, что мальчишки уважают её и даже несколько побаиваются. Но это, признаться честно, было весьма слабым утешением для такой достаточно рано повзрослевшей девушки, мечтающей о любви и поклонении.

Тем более, что однажды это их «уважение» чуть было не вышло ей боком.

В третьем классе, перед праздником седьмого ноября, в школе решено было отобрать в каждом классе по пять-шесть самых достойных учеников и досрочно раньше всех остальных принять их в пионеры. Естественно, понятие «достойности», в первую очередь, заключалось в том, что все эти ребята должны были быть отличниками или же, в крайнем случае, очень твёрдыми хорошистами, не иметь никаких нареканий относительно своего поведения и активно участвовать в общественной жизни, - что в те времена, как известно, было едва ли не самым важным по значимости пунктом.

В их 3 «В» таких учеников было как раз пятеро, и никто, - ни они сами, ни их родители, ни их учительница Наталия Александровна, - не сомневался в том, что именно им и выпадет такая великая честь, - стать первыми в классе пионерами, - на гордость школе и на зависть всем остальным, гораздо менее удачливым одноклассникам.

Стоит ли упоминать о том, что Олеська, как круглая отличница и активистка, разумеется, тоже входила в их число?..

Наталья Александровна объявила ребятам, что необходимо провести классный час, на котором эти достойные ученики должны были быть единогласно выбраны остальными одноклассниками. На самом деле это была чисто формальная процедура, и все, естественно, об этом знали. Фамилии пятерых счастливых, как полагается, давно уже были известны всем и даже согласованы с администрацией школы, - просто для отчётности теперь было необходимо, чтобы другие ребята проголосовали за них.

Этот классный час действительно оказался полной формальностью в отношении первых четырёх избранных. Их кандидатуры были приняты безоговорочно и единогласно, и не последовало никаких возражений со стороны кого-либо из товарищей. Олеськина фамилия прозвучала последней. И тут произошло нечто совершенно невероятное. И ужасное.

Все до единого мальчики, включая Димку, которого Олеська так долго и не без оснований считала своим тайным другом, хором начали кричать о том, что она не достойна подобной чести. Они вопили, - и другим словом это назвать было просто невозможно, - что Олеську нельзя принимать в пионеры, - а тем более, досрочно, - потому что она злая, эгоистичная, никого, кроме себя, не любит и вообще считает себя выше всех остальных. При этом никто из ребят не мог привести ни одного реального или просто даже разумного довода в доказательство своих почти нечленораздельных обвинений. Просто они все были против неё. И общий смысл их выкриков сводился к тому, что таким, как Олеська Комарова, вообще не место в почётных рядах пионерской организации.

Девочки-одноклассницы, так же не испытывавшие к ней особо пылкой любви, - но, в то же время, и не имевшие против неё никаких возражений, - застыли с открытыми от изумления ртами. И Наталья Александровна, в отличие от всех остальных, очень любившая Олеську как раз за её необычность и даже уважавшая её за её начитанность и серьёзные не по годам взгляды на жизнь, попросту растерялась. Вероятнее всего, она просто тоже ни на мгновение не усомнилась в том, что Олеськина кандидатура пройдёт так же легко, как и четыре предыдущие. И поэтому попросту оказалась не готова к такой волне неприязни и к такому вот невероятному отпору со стороны всех без исключения мальчиков, с которыми она никогда не наблюдала у девочки каких-то видимых серьёзных конфликтов.

Но что значило всё это их изумление на фоне того невероятного шока, который испытала сама Олеська!..

Да что тут говорить, - для неё это потрясение оказалось куда более серьёзным, чем даже то, годовалой давности, связанное с выбором командира звёздочки. Только теперь Олеська до конца поняла казавшиеся ей раньше такими глупыми и бессмысленными слова мамы о том, что в её жизни будет ещё немало трагедий, гораздо более страшных, чем та, первая. И вот теперь она непосредственно участвовала в одной из них.

Олеська сидела за партой, - оглушённая, ослеплённая всей этой непонятной для неё ненавистью мальчиков, о которой она раньше никогда и не подозревала, - и попросту действительно ничего вокруг себя не видела и не слышала. Все её жизненные силы в тот миг были сосредоточены только на одном: удержать на своих дрожащих губах словно приклеенную к ним улыбку и не показать так сильно обидевшим её одноклассникам, как ей больно... Мучительно больно... Больно, как ещё никогда в этой жизни...

А больше всего ей хотелось бы просто умереть. Прямо сейчас, за партой, не сходя с этого места. Чтобы всего этого неопишемого кошмара больше никогда не было в её жизни...

Но, увы, умереть в тот миг ей было ещё не суждено. Видимо, Господь Бог посчитал это слишком лёгкой расплатой за её невероятную гордыню, в которой она никогда прежде не раскаивалась. Ей даже удалось не разреветься перед всеми, хотя её глаза нестерпимо щипало, и даже сохранить на своих губах эту не совсем естественную, но всё же улыбку. И, что было

для неё на тот момент ещё более важным, - ей даже удалось не показать одноклассникам своего жуткого состояния. Олеся была уверена, что даже Наталия Александровна, - и та, по всей видимости, не догадалась сразу, насколько ужасной оказалась для неё вся эта ситуация. Обсуждение Олеськиной кандидатуры на этом самом месте было прекращено. Других подходящих вариантов больше не было, и Наталия Александровна отпустила учеников по домам, - благо, классный час в тот день был после последнего урока.

До дома Олеська добралась, словно на автопилоте. На этот раз она даже не плакала. Ей просто казалось, будто что-то умерло в её душе, - умерло уже во второй раз, но теперь окончательно, без какой-либо надежды когда-нибудь воскреснуть. Наверное, это была вера в людей.

До самого прихода мамы после работы Олеська, как зомби, бродила по квартире из угла в угол и вслух разговаривала сама с собой. Она не плакала, не проклинала отвергнувших её ребят, зачем-то поступивших с ней так жестоко. Она лишь снова и снова, словно споря с каким-то невидимым собеседником, повторяла с необъяснимым упрямством, что это несправедливо. И это действительно было несправедливо. Олеська совершенно искренне полагала тогда, - и даже с годами её мнение по этому поводу ни капли не изменилось, - что, если уж она оказалась не достойна того, чтобы быть принятой в пионеры, то тогда в их классе вообще никто не достоин этого.

И это, в какой-то степени, действительно было правдой.

Никто из Олеськиных знакомых даже и не догадывался о том, насколько это было важным для неё, - оказаться сейчас в числе тех нескольких счастливиц, которых приняли бы в пионерскую организацию раньше всех остальных. Шёл 1986 год. Ни о каком развале Советского Союза тогда ещё даже и речи не заходило. И Олеська, до боли наивная, воспитавшая саму себя на книгах о Ленине и Партии, о Великой Октябрьской Социалистической Революции, о героях Великой Отечественной Войны, - причём, что было отнюдь немаловажным, прочитанных ею уже совершенно самостоятельно и вполне осмысленно, - действительно искренне гордилась тем, что ей повезло родиться в такой великой стране, - самой прекрасной стране в мире!..

Олеська завидовала революционерам, страдавшим за правое дело и сумевшим, в конце концов, свергнуть царя и дать народу свободу. И она искренне, почти до слёз, сожалела, что не была одной из них. Ещё большее восхищение вызывали у неё пионеры-герои, - возможно, как раз потому, что они были близки ей по возрасту, - и она десятки раз перечитывала книги о них, мечтая когда-нибудь повторить их судьбу и ужасно переживая при этом, что ей, в её уже целых девять лет, так и не удалось ещё сделать для своей великой Родины ничего подобного. Но при этом она ни на миг не усомнилась в том, что всё это ещё ждёт её впереди. А для этого ей нужно было лишь стать достойной своей великой страны и пройти все необходимые стадии.

Принятие в октябрятскую организацию было первой маленькой ступенькой на этом достойном тернистом пути. Но Олеська уже давно и серьёзно мечтала именно о пионерском галстуке, который действительно символизировал для неё частичку боевого красного знамени. Потом, через несколько лет, она собиралась вступить в комсомол, а чуть позже, чего бы ей это ни стоило, в Партию. И то, что сейчас ей так грубо и безжалостно помешали в осуществлении этой её голубой мечты, было для неё на тот момент не просто трагедией. Это, в буквальном смысле слова, стало для неё концом света, крушением всех надежд и вообще просто жуткой немислимой катастрофой.

Конечно, сейчас, когда на дворе уже давно двадцать первый век, и все мы живём уже в совершенно другом мире, несколько странно даже представить себе, что в голове у девятилетней несмышленной девочки могли таиться такие вот странные мысли и грандиозные планы. И, спустя всего несколько лет, даже сама Олеська будет вспоминать об этом с лёгкой улыбкой, не вполне веря в то, что совсем ещё недавно могла именно так думать и чувствовать. К тому времени у неё давно уже не останется никаких идеалов и амбиций по поводу её великой Родины. Но когда-то всё это действительно было. И на тот момент случившееся представля-

лось ей настолько безумной трагедией, что она просто не понимала, как сможет теперь жить дальше после всего того, что произошло.

Пришедшая вечером с работы мама застала Олесю всё в том же состоянии шока. И, похоже, больше всего в этот момент её напугало именно это противоестественное спокойствие дочери. Она, наверное, ожидала слёз, возможно, даже истерики, а вместо этого Олеся спокойно рассказала ей о том, что произошло на классном часе. И, наверное, именно это полнейшее отсутствие каких бы то ни было внешних эмоций в этом повествовании лучше всяких слов поведало маме о том, что Олеся пережила на самом деле. Прекрасно поняв состояние дочери, мама напоила её валерьянкой и тут же поспешила в школу, где ей, к счастью, ещё удалось застать Наталию Александровну, несказанно обрадовавшуюся её визиту.

- Как хорошо, что вы пришли! – воскликнула учительница, едва только Олесина мама вошла в класс. – А то я уже сама собиралась идти к вам домой! Олеся рассказала вам о том, что произошло?

- Да, - кивнула мама.

- Вы знаете, я сама просто в шоке от всего этого! – призналась ей Наталия Александровна. И выглядела она при этом действительно искренне расстроенной и смущённой. – Я просто никак не ожидала такого сопротивления со стороны других учеников и была совершенно не готова к этому! Как Леся? Плачет?

Мама вздохнула и покачала головой.

- Да в том-то и дело, что нет! – сказала она. – Олеся пытается пережить всё это внутри, а это хуже всего! Если бы она хотя бы заплакала, я смогла бы её успокоить, но сейчас она просто замкнулась в своих переживаниях, и я не знаю, что мне с ней делать! Но дело даже и не в этом! Я просто хотела бы поговорить с вами о том, что произошло! Мы с Лесей никак не думали, что такое вообще может случиться! Почему они все были против неё?

- Насколько я смогла понять, никаких особых грехов за Олесей не водится, - попыталась объяснить происшедшее Наталия Александровна. – Просто она кажется ребятам необычной. Слишком уж самостоятельной и независимой. Мальчики по-своему даже уважают её за это и слегка побаиваются, потому что она не даёт себя в обиду, и они не могут время от времени задирать её, как всех остальных девочек. А Олесю они трогать опасаются, потому что она не побоится дать им сдачи. И сегодня им, похоже, просто, наконец-то, подвернулась возможность отомстить ей за всё это и хоть как-то причинить боль, - то есть, сделать, в конце концов, всё то, что она никогда не позволяет им сделать! И поэтому они все просто ухватились за эту возможность, видимо, инстинктивно чувствуя, что для неё это очень важно!

- И это действительно было для неё очень важно! – вздохнула мама. – Она давно уже буквально грезит об этом! И сейчас ей до безумия обидно, потому что, несмотря ни на что, она по-прежнему считает себя достойной того, чтобы её приняли сейчас в пионеры! И то, что её отвергли, да ещё в такой ужасной форме, стало для неё самой настоящей трагедией! Она, конечно же, справится с этим, но просто это действительно несправедливо, и я тоже так считаю!

- Это не просто несправедливо!.. – с жаром поддержала её Наталия Александровна. – Если уж считать Олесю не достойной этого, тогда в нашем классе вообще некого было бы выбирать!.. Я знаю, что она действительно куда более достойна этого, чем все остальные, вместе взятые! Это – целиком и полностью моя вина! Просто сегодня я сказала не подготовленной к такой ситуации, но завтра я попытаюсь всё исправить!

В мамином сердце на мгновение всколыхнулась надежда, но она тут же угасла. Она прекрасно понимала, что надеяться уже не на что.

- Вы считаете, что ещё можно что-то сделать? – устало спросила она. – Всё уже решено! И теперь уже попросту поздно что-то предпринимать!

- Нет, не поздно! – возразила Наталия Александровна. – Я собиралась завтра же поговорить с ребятами насчёт Олеси!

Мама задумалась на мгновение, но тут же снова с сомнением покачала головой.

- Нет, я не думаю, что стоит это делать! Леся только лишний раз переволнуется, и ещё не известно, чем всё это закончится! Не стоит снова подвергать её унижению!

- Да нет, что вы, ни о каком унижении не может быть и речи! – твёрдо заявила учительница. – Я уже, кажется, говорила вам, что, уж если считать Олесю не достойной, то тогда в нашем классе просто некого будет принимать в пионеры! В сложившейся ситуации больше всех виновата я сама, потому что я была просто ошарашена таким неожиданным поведением мальчиков и не нашлась сразу, что им на это возразить! То, что они говорили сегодня, на самом деле не имеет никакого смысла! Все их обвинения на самом деле сводятся лишь к тому, что Олеся слишком смелая, независимая и при этом не позволяет им себя обижать, - а это вовсе ещё не преступление! Я собираюсь завтра же ещё раз поговорить с классом и добиться того, чтобы Лесю обязательно приняли в пионеры!

- Нет, мне кажется, всё-таки, что этого не стоит делать! – снова неуверенно попыталась возразить мама. – Раз уж ребята так решили, - значит, так тому и быть!..

- Да как вы не понимаете, что ничего они ещё не решили!.. – невольно перебила её учительница. – Ровным счётом ничего!.. Они ещё просто не способны на какие бы то ни было разумные решения в силу своей глупости! Всё дело в том, что Олеся – слишком необычная девочка! Они не в силах понять её, и поэтому ведут себя именно так, а не иначе! Ну, хорошо, если вы считаете, что мне не стоит разговаривать с учениками и пытаться переубедить их, тогда я просто объявлю им завтра, что это – моё решение, и обжалованию не подлежит!

Мама секунду поразмышляла над таким вариантом, прикидывая все «за» и «против», а потом всё-таки снова покачала головой.

- Нет, Наталия Александровна, я считаю, что так будет только ещё хуже! – возразила она. – После этого они её вообще возненавидят, и ей будет ещё труднее находить с ними общий язык!

- Тогда просто доверьтесь мне и не волнуйтесь! – решительно проговорила учительница. – Поверьте мне, я сумею поговорить со своими учениками достаточно тактично! Более того, я постараюсь сделать так, чтобы инициатива исходила как бы и не совсем от меня, а от других девочек! Я заставлю мальчиков членораздельно вслух обосновать все свои претензии! Ну, а поскольку, - я более, чем уверена в этом, - им это не удастся, то всё должно закончиться хорошо! Только вы, пожалуйста, заранее подготовьте Олесю к тому, что ей, возможно, придётся отвечать на какие-то их обвинения! И это тоже может оказаться достаточно серьёзным испытанием для её выдержки, хотя я и уверена на все сто процентов, что вместе с ней мы справимся!

Олесина мама, естественно, была всё ещё полна сомнений и считала сложившуюся ситуацию безвыходной, но, после уверенных слов учительницы, она заметно воспрянула духом и почти поверила в то, что всё ещё может закончиться благополучно.

- Спасибо вам большое, Наталия Александровна, за то, что вы пытаетесь нам помочь! – сказала мама на прощание.

- Это вам огромное спасибо за то, что вы пришли ко мне! – возразила учительница. – Я чувствую себя очень виноватой перед Олесей за то, что растерялась и пустила это дело на самотёк! Но я всё исправлю, вот увидите! Поговорите, пожалуйста, с Олесей от моего имени и успокойте её! Скажите ей: я обещаю, что её обязательно примут в пионеры!

Тем временем дома Олеся с нетерпением ждала возвращения мамы из школы. Разумеется, она давно уже ни на что не надеялась, - как сказала сама мама, выборы состоялись, и Олеся искренне полагала, что теперь уже просто невозможно что-либо изменить. Но всё-таки в её неприкаянной душе теплилась слабая вера в то, что произойдёт какое-то чудо, и все её безумные мечты всё же сбудутся. И поэтому мамин подробный рассказ о разговоре с Наталией Александровной словно вывел её из состояния того странного ступора, в котором она пребывала с

момента возвращения из школы. К тому времени про себя Олеся твёрдо решила только одно: если её так и не примут в пионеры сейчас, досрочно, то тогда через несколько месяцев, когда будут принимать в пионерскую организацию всех остальных её одноклассников, она попросту откажется от этого. Она намеревалась заявить, что с тех пор, как её в прошлый раз посчитали не достойной этого, ровным счётом ничего не изменилось. Её плохой характер, доставляющий, как выяснилось, столько неприятностей её сверстникам, остался прежним и ничуть не улучшился, а следовательно, она по-прежнему не заслуживает подобной высокой чести.

И она действительно поступила бы именно так, - в этом не могло быть даже никаких сомнений. Её принципиальность уже в том возрасте была способна испугать кого угодно, - но сама Олеся считала её при этом вполне естественной.

К счастью, мамины слова возродили в её душе надежду. Появился шанс, - пусть и совершенно ничтожнейший, на её взгляд, но всё-таки это был шанс на то, что всё ещё может закончиться хорошо. Конечно, Олеска заранее с ужасом думала о том жутком испытании, через которое ей предстоит пройти на следующий день. Но ей казалось, что она была готова к этому. Она ко всему была готова.

Пионерский галстук стоил в Олескином представлении любых мучений, на которые могло бы потребоваться пойти ради него. Пионеры-герои во время войны приносили во имя него и куда более серьёзные жертвы. И поэтому Олеска была готова попробовать ещё раз, даже если это означало для неё только лишь новые обиды и унижения. При этом она прекрасно осознавала, что из этой новой попытки, возможно, так ничего и не выйдет, но, тем не менее, была твёрдо уверена, что оно того стоит.

Но выяснилось, что Олеска совершенно напрасно волновалась так сильно. Всё прошло гораздо легче, чем она могла этого ожидать. Просто на следующий день перед последним уроком Наталия Александровна объявила ребятам, что сегодня они проведут ещё один классный час, - правда, заранее не сказала, с чем конкретно это будет связано. Но одна из девочек-отличниц, - её, кстати, сразу же выбрали накануне единогласно, и это именно она предложила тогда Олескину кандидатуру, - по секрету сообщила, о чём будет идти речь. Оказалось, Наталия Александровна уже успела аккуратно переговорить со своими ученицами и убедиться в том, что никто из них не имеет ничего против Олески. И теперь ей оставалось решить этот вопрос только с мальчиками.

Но и это оказалось совсем не так трудно, как Олеся ожидала изначально. Девятилетние мальчики были уже не настолько глупы, чтобы не понять сразу же, что, поскольку разговор на эту тему зашёл повторно, значит, особенно спорить и сопротивляться бессмысленно. Тем более, что все их возражения действительно не имели под собой никакой реальной основы. Кому-то из них Олеска не дала списать домашнее задание, - причём, насколько она припоминала, лишь потому, что он, вместо того, чтобы попросить, пытался в наглую выхватить у неё тетрадку. Другого она огрела портфелем по голове, - в ответ, что самое смешное, на точно такую же «ласку» с его стороны. Третьего она послала куда подальше, - правда, после того, как он обозвал её... И так далее, в том же духе...

В общем, через четверть часа даже сами мальчики вынуждены были признать, что все их претензии, мягко говоря, не слишком обоснованы, и накануне праздника седьмого ноября Олеска была торжественно принята в пионеры...

На тот момент это было самое трогательное воспоминание в её пока ещё недолгой жизни...

Глава 2. Преступление и наказание.

<https://rutube.ru/video/8db5e340507ed85a1514c7d2898b52d9/>

В третьем классе Олесья чувствовала себя уже гораздо взрослее всех своих сверстников. Когда летом она ездила в пионерский лагерь, мама всегда записывала её в отряд, где дети были на два, а то и на три года старше её. Выглядела Олесья соответственно, и почему-то с более старшими по возрасту ребятами ей удавалось поладить гораздо лучше, чем с ровесниками, хотя особой дружбы всё равно как-то не получалось. И Олесья по-прежнему очень переживала из-за этого, хотя и научилась с годами скрывать свои чувства от всех, даже от мамы, которая сама тоже никогда ни с кем не дружила и считала это вполне нормальным. Но самой-то Олесье это вовсе даже не казалось ни нормальным, ни естественным. И она никак не в силах была понять, что с ней не так, и почему ей, несмотря на все её старания, никак не удаётся сойтись хоть с кем-нибудь поближе. А ведь она так мечтала найти в этом безумном мире хоть одну родственную душу, способную понять и поддержать её!..

Наверное, именно из-за этого дикого, воистину безумного и безудержного Олесьиного желания иметь настоящих друзей она однажды совершила жуткую глупость, которая, к счастью, на всю жизнь научила её жить только своим умом. Правда, к сожалению, даже она так и не излечила бедную Олесью от терзающих её глупых иллюзий.

В третьем классе они учились во вторую смену. Это было, конечно же, не слишком удобно, - но тут уж ничего не поделаешь!.. Зато иногда по утрам, когда все уроки были сделаны ещё с вечера, Олесье удавалось немного погулять перед школой.

Был самый конец зимы, и погода стояла как раз соответствующая февралю месяцу. Светило яркое солнце; белый снег слепил глаза; зато на дороге было много накатанных лунок, словно притягивающих к себе своей почти зеркальной поверхностью. Катаясь на них, - поначалу в полном одиночестве, - Олеся вскоре встретила трёх знакомых девочек. Одна из них, Марина Четвертная, училась в её классе. Двух других девочек, двойняшек Катю и Надю Перовых, Олесья тоже немного знала, - главным образом, потому, что они жили в одном подъезде с Мариной и с самого раннего детства дружили с ней. Девочки внешне казались совершенно одинаковыми, и Олесья никогда не могла различить, кто из них есть кто. Правда, Марина всегда уверяла, что на самом деле они вовсе даже и не похожи, но это, признаться честно, вызвало лишь некоторую долю раздражения у окружающих, уверенных в том, что она нарочно смеётся – или даже издевается – над ними.

Двойняшки учились в параллельном классе, поэтому сама Олесья была знакома с ними постольку - поскольку. Буквально через десять минут они убежали домой, потому что до начала занятий обе посещали ещё и музыкальную школу. Но Марину, казалось, ничуть не расстроило такое поспешное исчезновение её лучших подруг. Напротив, дождавшись, когда девочки окончательно исчезнут из виду, она, чуть скривившись в их сторону, хитро подмигнула Олесье и сказала:

- Ну, слава Богу, убрались, наконец-то!..

Олеся непонимающе уставилась на неё, не будучи до конца уверена в том, что правильно поняла смысл услышанной фразы. Поскольку ей давно было известно, что Марина и близнецы были всю свою сознательную жизнь практически неразлучны, тогда как она сама до этого дня почти не общалась со своей одноклассницей, то её слова, разумеется, не могли не вызвать у неё чувства недоумения. И это было бы ещё слишком мягко сказано!.. Но Марина не стала мучить её и тут же пояснила свою предыдущую фразу:

- Еле дождалась, пока они уйдут, наконец!.. Мне нужно сказать тебе одну вещь, - но так, чтобы они не услышали!..

- Какую? – невольно заинтересовалась Олесья.

- Представляешь, Перовы сегодня утром были у меня дома, и Катька оставила у меня свои ключи! – на одном дыхании выпалила Марина и многозначительно уставилась на одноклассницу, словно эта её фраза каким-то образом должна была всё ей объяснить.

Но на редкость туповатая Олеська снова недоумённо посмотрела на Марину и слегка нахмурила брови, совершенно не понимая, куда конкретно она клонит. В её пустой от мороза голове абсолютно не было никаких подходящих к данному случаю мыслей. Но одноклассница, как выяснилось уже мгновение спустя, и не намеревалась терзать её и заставлять теряться в догадках.

- Когда завтра они вот так же уйдут в музыкалку, мы с тобой сможем залезть к ним в квартиру и ограбим их! – заявила Марина, возбуждённо поблёскивая глазами.

Позже, вспоминая всю эту, в общем-то, совершенно нелепейшую историю, Олеська никогда так и не смогла понять одного: почему в тот момент эта мысль не вызвала у неё никаких особых эмоций? Почему она ничего не возразила в ответ на слова одноклассницы, не воспротивилась, не отказалась, в конце концов?.. Но тогда, в ту минуту, это Марино предложение почему-то показалось ей просто довольно интересным, забавным и не лишённым определённого смысла. И Олеська задала один лишь вопрос:

- А если она вспомнит, что оставила их у тебя?

- Не вспомнит! – убеждённо заверила её Марина. – Они выпали у неё из кармана ещё в коридоре, а она даже и не заметила этого! Подумает просто, наверное, что потеряла их!

- А как мы их ограбим? – абсолютно равнодушно поинтересовалась Олеська. Смысл произнесённой фразы, как ни странно, совершенно не доходил до неё, - так же, как не доходила до неё и вообще сама абсурдность Мариного предложения. Они словно говорили с ней о чём-то абстрактном, никоим образом их не касающемся, а не обсуждали между делом возможность совершения довольно-таки серьёзного преступления, наказание за которое могло бы оказаться тоже весьма не шуточным!

- Ну, мы с тобой залезем к ним в квартиру и наберём всего, что нам понравится! – с живейшим энтузиазмом пояснила Марина. – Они ни за что не догадаются, кто именно это сделал! Здорово?

Олеська согласно кивнула в ответ, автоматически подумав про себя, что это действительно было бы неплохо. И опять у неё почему-то не возникло даже ни малейшего страха при мысли о том, что их могут поймать.

- Я вообще-то подумала, что мы с тобой могли бы собрать целую банду! – продолжала рассуждать Марина. Её лицо покраснелось, - то ли от мороза, то ли от возбуждения, - хотя Олеська, пожалуй, больше склонялась к последнему. – Возьмём к себе Катьку Торкачёву, Светку Тюрину, Элку Малинину... - Марина взахлёб перечисляла имена их общих одноклассниц, с которыми она сама дружила. Она, - но не Олеська, как это ни смешно. Сама же Олеська, напротив, всегда инстинктивно старалась держаться подальше от этих девочек, которые казались ей не слишком благополучными. Но, тем не менее, как это ни странно, её почему-то ни на миг не смутило и не удивило то, что Марина приглашает её саму в эту их тёплую компанию, - и это даже несмотря на то, что раньше она вообще никогда особенно не общалась ни с ней самой, ни с кем-либо из названных девочек. Да и само слово – «банда» - прозвучало для неё в тот момент так завлекательно, - ну, прямо как в кино!.. И Олеська ни на миг даже и не усомнилась в том, что непременно хочет стать полноправным членом этой самой их банды.

- А что мы будем делать? – тут же с живейшим интересом спросила она. В ней, что греха таить, проснулся какой-то странный и нездоровый энтузиазм.

- Ну, для начала ограбим Перовых! – авторитетно заявила Марина. Было заметно, что её действительно не на шутку увлекла эта бредовая на первый взгляд идея. – И посмотрим, что из этого получится! А там видно будет! Может быть, девочки сами ещё что-нибудь придумают!..

На мгновение Марина замолчала, видимо, осмысливая пришедшую ей в голову идею, и вдруг даже подпрыгнула от восторга. Похоже, посетившая её мысль была на редкость захватывающей.

- Я придумала, придумала!.. – завопила она на всю улицу, заставив невольно вздрогнуть и обернуться столь редких в тот ранний час прохожих. – Мы будем принимать в свою банду не просто так, а только тех, кто придумает какое-нибудь преступление!

- Точно! – согласно кивнула Олеська, искренне восхищённая этим её предложением.

Позже ей будет казаться, что в тот миг она просто не поверила в самую возможность того, о чём говорила Марина. Будто бы тогда, в тот день, она восприняла всё это всего лишь как шутку. Потому что иначе, – ни до, ни после случившегося, – она никак не могла объяснить даже самой себе своё участие в этой странной и далеко не безобидной аванюре.

Тут следует отметить, что Олеська всегда, с самого раннего детства, обожала фильмы про милицию. «Место встречи изменить нельзя», «Следствие ведут знатоки», – она была готова пересматривать их снова и снова, десятки раз, и ей это никогда не надоедало, хотя большинство серий она, в буквальном смысле слова, знала наизусть. И для неё милиционеры в этих фильмах всегда представляли истинными героями, на которых ей неизменно хотелось быть похожей.

Но никогда, ни в каком самом дурном сне, её героями не могли стать преступники. Олеська презирала их всей душой. И никогда, будучи в здравом уме и трезвой памяти, она не могла даже представить себя в их рядах.

И, тем не менее, Олеська так легко и спокойно согласилась войти в состав «банды», словно всю свою жизнь мечтала именно об этом!..

- Значит, договорились!.. – подытожила их разговор Маринка. Она выглядела в тот момент весьма довольной собой и, наверное, ощущала себя, по меньшей мере, каким-то великим махинатором. – Тогда давай завтра встретимся с тобой здесь же, в то же самое время! Я знаю, что завтра у них опять занятия в музыкалке, так что нам никто не помешает!

Олеська снова кивнула с бесшабашной готовностью и каким-то странным, воистину, болезненным энтузиазмом.

- А я сегодня в школе переговорю с другими девчонками и скажу им, чтобы они придумывали какие-нибудь преступления, – иначе мы их к себе в банду не возьмём! – закончила, наконец, разглагольствовать Марина.

Вполне естественная на тот момент мысль о том, что они могут весьма бесславно попасться на совершении одного из таких преступлений, почему-то не пришла в тот момент в голову ни одной из них.

Девочки попрощались, поскольку уже пора было расходиться по домам, чтобы успеть пообедать и пойти в школу.

Признаться честно, ни во время уроков, ни вечером дома, ни даже на следующее утро Олеська как-то вообще и не вспоминала об этом уговоре со своей одноклассницей и совершенно не думала о нём. Как будто всё это вовсе даже никоим образом её и не касалось. Позже ей казалось, что всё это словно происходило совсем и не с ней, а она лишь отстранённо наблюдала за грядущими событиями откуда-то со стороны. Но при этом Олеська, тем не менее, вовсе не позабыла об этой договорённости с Мариной. И на следующий день она опять вышла на улицу в назначенное время.

Марина и близнецы уже гуляли, – на том же самом месте, что и накануне, – но, поскольку в тот день было очень холодно, то, буквально несколько минут спустя, Марина предложила им всем вместе пойти к ней в гости. Они дружно согласились, поскольку прогулка на таком морозе едва ли могла доставить особое удовольствие. Правда, близнецы опять, посидев совсем немного, начали собираться.

Приближалось время «пойти на дело». Но Олеська по-прежнему не испытывала по этому поводу никаких особых эмоций. Ни страха, ни радости.

- Катька сегодня спрашивала, не оставляла ли она у меня ключи! – весело сообщила ей Марина, едва закрыв за близнецами дверь. Она и не думала скрывать своей радости по поводу того, как удачно всё у них складывается. – Но я ей сказала, что нет! Представляю, как ей достанется от родителей!..

- А если она всё-таки догадается? – чуть нахмурила брови Олеська, кажется, впервые почувствовав хоть какие-то сомнения и колебания.

- Не догадается! – твёрдо заверила её Маринка. – Да, кстати, я совсем забыла сказать тебе сразу!.. Я вчера переговорила с Катькой, Светкой и Элкой! Они все согласны быть в нашей банде! Теперь будут придумывать какие-нибудь преступления, потому что я сказала им, что иначе мы их к себе не возьмём!

- А ты рассказала им про ключи? – спросила Олеська, - просто так, чтобы поддержать разговор.

- Ага! – кивнула Маринка. – Светка тоже хотела пойти сегодня вместе с нами, но у неё мамаша сейчас дома, и она её никуда не отпустила! Но так даже лучше для нас с тобой! – быстро добавила Маринка и хитро подмигнула. – Больше нам с тобой достанется!

Олеська в ответ тоже согласно кивнула. Снова чисто автоматически. Похоже, в тот день она просто на какое-то время утратила способность соображать самостоятельно.

К слову следует тут отметить, что это был первый и, пожалуй, единственный случай в Олеськиной жизни, когда она так явно и неожиданно поддалась чужому влиянию. Ни до, ни уж, тем более, после этого события уговорить её сделать нечто такое, чего не захотела бы она сама, было просто невозможно. При её непреклонном и несгибаемом характере, которым она втайне от всех – даже от мамы – так гордилась, такое немисливо было даже представить себе. Но тогда, в тот день... Олеськины мыслительные способности, похоже, словно полностью отключились на какое-то время, и она зачем-то пошла на поводу у одноклассницы, попросту не отдавая, очевидно, себе отчёта в том, что вообще она собирается сделать.

После этого короткого диалога они обе вышли из Маринкиной квартиры и спустились на два этажа ниже.

- Вот здесь!.. – почему-то пошептала Марина, кивая на одну из квартир и вынимая ключи из кармана.

- Давай всё-таки позвоним на всякий случай! – весьма предупредительно предложила она. – А вдруг у них кто-то есть дома!..

Олеська по-прежнему лишь кивала в ответ, будучи готова, похоже, согласиться сейчас с чем угодно. Она всё ещё совершенно ничего не чувствовала и словно не осознавала реальности происходящего. Она как будто наблюдала за ними обеими откуда-то со стороны...

В пустой квартире трелью залился звонок, но, как и следовало ожидать, никто не поспешил открыть им дверь. Да в этом и не было ничего удивительного, ведь родители, по всей видимости, были на работе, а сами близняшки ушли в музыкальную школу. Правда, как потом выяснилось, начинающим преступницам просто очень сильно повезло на этот раз. Обычно как раз примерно в это время отец близняшек, работавший где-то поблизости, имел обыкновение приходить домой на обед. Но в тот день он по какой-то причине, - видимо, просто благодаря счастливой, для юных воришек, разумеется, случайности, - изменил своим привычкам и перекусил где-то в другом месте.

Вот это была бы картина, - если бы он, как всегда, пришёл домой на обед и застучал бы их в своей собственной квартире!.. Но тогда девочки об этом ещё даже и не подозревали...

Выждав ещё ровно минуту, Марина решительно вставила ключ в замок и открыла дверь.

Они вошли в квартиру. Ни секунды не колеблясь, Марина, с проворством истинной квартирной воровки, начала шуровать по тумбочкам, выдвигать ящики столов и распихивать по карманам всё, что ей приглядывалось. А вот Олеська так и застыла на месте около входной двери, как соляной столп. Прохладный полумрак чужой квартиры, наконец-то, оказал на неё

отрезвляющее воздействие, и она вдруг словно очнулась от какой-то странной зачарованной спячки. И до неё впервые со всей очевидностью дошло то, что именно они совершили. И при осознании этого Олеська буквально окаменела от ужаса.

Причём, в это полубоморочное состояние её привёл даже не только и не столько страх перед тем, что их могут поймать на месте преступления и сурово наказать за содеянное, а именно ужас при одной только мысли о том, что она, Олеся Комарова, в жизни своей не взявшая ничего чужого без спросу, забралась в чужую квартиру в отсутствие хозяев и собирается их ограбить...

- Ну, что ты стоишь?.. – деловито торопила её Марина. Её собственные карманы были уже битком набиты, и складывать награбленное ей было уже просто некуда. – Давай быстрее! Тут ещё много всего осталось! Бери всё, что хочешь!

Но Олеська, почти полностью парализованная внезапно охватившим её диким ужасом, сумела лишь покачать головой и с трудом выдавила из себя:

- Мне ничего не надо.

- Ну, как знаешь!.. Тогда зачем же ты вообще пошла со мной, если не собиралась ничего брать? – как бы между прочим удивилась Марина.

Как раз этот самый вопрос Олеська и сама упорно задавала себе последние несколько минут и не могла найти на него ответа...

Марина в последний раз огляделась по сторонам и, убедившись, что больше ей при всём её желании ничего не унести, деловито скомандовала:

- Ну, тогда пошли отсюда!..

Они вышли из квартиры и аккуратно заперли за собой дверь.

Дома у Марины они ещё раз как следует рассмотрели свою добычу. Точнее, рассматривала её, разумеется, одна только Марина, а Олеська по-прежнему стояла, почти не дыша, глядя на всё это разнообразие невидящим взглядом, и с ужасом думала о том, что же с ними теперь будет...

Нет, она прекрасно понимала, что в тюрьму их, естественно, не посадят, - на тот момент им обоим не было ещё и десяти лет. Так что этого-то как раз она и не боялась. Но стоило Олеське только подумать о том, что теперь все их знакомые узнают, что они – воровки, и ей становилось по-настоящему дурно. Скоро, совсем скоро всем будет известно о том, что они залезли в чужую квартиру и ограбили её... И именно это было для неё во всей этой ситуации самым ужасным, - жуткое осознание того, что теперь все узнают правду о ней и поймут, что она, Олеська Комарова, вся такая честная, такая чересчур правильная, столько лет изображавшая из себя принципиальную и порядочную, на самом деле всего лишь самая обычная заурядная преступница...

- Что-то мы с тобой мало всего наворовали!.. – прервала её смятенные мысли Марина. Недовольно прищурившись, она ещё раз окинула взглядом добычу, а потом совершенно хладнокровно предложила. – Давай сходим ещё раз!

- Нет, я больше туда не пойду! – поспешно оборвала её Олеська. Одна только мысль об этом, казалось, была способна теперь свести её с ума.

- Струсил, да?.. – понимающе усмехнулась Маринка, сгребая все награбленные сокровища в свой школьный портфель. – Возьму с собой и покажу девчонкам, что мы с тобой наворовали! А ты сама-то почему ничего не взяла?

- Мне ничего не надо, - монотонно повторила Олеся, как заезженная пластинка, и добавила так же невыразительно. – Знаешь, я, пожалуй, пойду домой!

- Ну, иди! – равнодушно пожав плечами, согласилась Марина. Она, казалось, была ничуть не опечалена подавленным состоянием собственной поделницы, хотя оно, наверняка, должно было бросаться в глаза, несмотря на все попытки Олеськи скрыть свои смятённые чувства. А возможно, поглощённая своими собственными новыми ощущениями, она попросту не заме-

тила ничего странного и даже и не заподозрила, что с одноклассницей происходит нечто ужасное.

- Только, смотри, никому не проболтайся! – напоследок предупредила Марина.

Олеська в тот момент смогла лишь вымучено кивнуть в ответ.

Больше всего, признаться честно, её удивляла именно Маринкина непоколебимая уверенность и спокойствие. Одноклассница, явно, была всем довольна и абсолютно счастлива. И уж, тем более, она, похоже, вообще не испытывала ни малейших угрызений совести, - в то время, как Олеська уже готова была руки на себя наложить, потому что действительно не представляла, как ей вообще жить теперь дальше с таким грехом на совести...

Олеська не помнила, как добралась до дома. До начала уроков оставалось ещё часа полтора, и всё это время она, не в силах делать ничего другого, просто ходила по квартире из угла в угол. Она думала. Но, увы, действительно умных мыслей в её голове на тот момент было не так уж много.

Правда, уже тогда Олеська твёрдо решила попытаться всё исправить. Только вот она пока ещё не знала, как именно можно это сделать. И её на тот момент не особенно беспокоил даже тот очевидный факт, что, признавшись в содеянном, она тем самым подставит ещё и Маринку, которая, вроде как, поверила в неё, - а теперь выяснится, что она в ней так жестоко ошиблась!.. Но Олеське сейчас всё уже было совершенно безразлично. И она хотела только лишь одного: побыстрее рассказать обо всём маме, - чтобы, в первую очередь, очистить свою собственную совесть, - и вернуть награбленное законным хозяевам до того, как они сами хватятся пропавших вещей.

По дороге в школу Олеська встретила свою бывшую подругу Иру Лебедеву, с которой она, несмотря на глубоко укоренившуюся обиду, всё ещё старалась внешне поддерживать хорошие отношения, и, не в силах сдержаться, обо всём ей рассказала. И почему-то, даже несмотря на то, что сама Олеська тоже непосредственно участвовала в этой краже, - может быть, отчасти, как раз потому, что лично она ничего не взяла, - Ира посчитала виноватой во всём именно Маринку. Для Олеськи это было прямо как живительный бальзам на рану, и, понадеявшись, что все остальные подумают точно так же, она немного воспрянула духом.

Решение было принято. Окончательное и бесповоротное. И ни обсуждению, ни обжалованию оно не подлежало.

Придя в школу, Олеська сразу же подошла к своей «банде», рассматривающей украденные сувениры, и честно сказала, что вечером во всём признается маме. Она пыталась хоть таким образом поступить честно по отношению к Марине, - насколько это, конечно же, вообще было возможно в подобной ситуации. Но почему-то эти Олеськины слова Марину нисколько не напугали, - более того, они её даже, похоже, ни капли не удивили и ничуть не огорчили. Олеське даже показалось, что она словно уже заранее ожидала от своей несурзной поделницы чего-то подобного, и поэтому даже и не попыталась ни запугивать её, ни уговаривать хранить молчание. А впрочем, из этого всё равно ничего не вышло бы, и, возможно, она догадывалась об этом.

Уже позже Олеська предположила, что, просто в силу Марининою юного возраста, до неё тоже в тот момент, возможно, не дошёл ещё весь смысл того, что они с дуру совершили на пару, и именно поэтому она и не опасалась особенно ни разоблачения, ни наказания.

Весь этот день прошёл для Олеськи, словно в тумане. Она не могла дождаться, когда закончатся, наконец, уроки, и она сможет вернуться домой. Ей повезло, потому что в этот день к её приходу мама тоже уже возвратилась с работы. И Олеська тут же, прямо с порога, без малейших колебаний, прикрас и напрасных попыток хоть что-либо скрыть, выложила перед ней всю эту историю, ни на миг не усомнившись в том, что мама не только сама сумеет всё понять, но и непременно сможет как-то исправить содеянное и всё уладить.

Нельзя сказать, что мама была в восторге от услышанного, но, по крайней мере, в обморок сразу же не упала и напрасно ругать и наказывать свою непутную дочь тоже не стала, - видимо, памятуя о том, что содеянного уже всё равно не воротишь. Вместо этого она велела ей немедленно раздеться и выпить валерьянки, а сама накинула на плечи пальто и поспешила к Перовым, маму которых она немного знала.

Та встретила её на пороге со словами:

- Это очень хорошо, что вы всё-таки пришли ко мне! Нам с вами необходимо переговорить! Я очень хотела этого после встречи с Марининой мамой и удивлялась, почему вы сразу же не пришли к нам!

Возникло короткое замешательство, поскольку Олесина мама совершенно не понимала, о чём идёт речь, ведь она сразу же бросилась сюда, как только узнала о случившемся, и сделать это как-то быстрее просто не было никакой физической возможности. В то время, как хозяйка ограбленной квартиры не сразу сообразила, что требуются ещё какие-то дополнительные пояснения к тому, что она уже сказала. И лишь после некоторого недоумения выяснилось, что буквально пять минут назад здесь была мама Марины Четвертной, которая выложила на стол вещи, украденные утром её дочерью, и спокойно заявила, что всё это только что принесла мама Олеси Комаровой, не пожелавшая – или же попросту побоявшаяся – сама навестить жертву своей непутной дочери и покаяться во всех её смертных грехах.

- Вот я и удивилась, почему же вы сами не зашли к нам вместо того, чтобы действовать через посредников! Естественно, я не собираюсь обращаться в милицию, - у меня самой растут две дочери, и я думаю, мы с вами вполне сможем уладить всё это между собой, - но, тем не менее, согласитесь, нам с вами необходимо вместе обсудить сложившуюся проблему и принять какие-то меры для того, чтобы подобное больше никогда не повторилось!

Ситуация складывалась отнюдь не в Олескину пользу, но она не зря так доверяла своей маме и была на все сто процентов уверена в том, что та как-то сумеет всё исправить. Женщины поговорили между собой, и, как это ни странно, но мама близняшек поверила своей гостье, хотя шансов на это, казалось, изначально почти не было, поскольку хитрая Маринина мама, воспользовавшись тем, что живёт гораздо ближе, уже успела опередить её и изложить всю историю по-своему. И она объяснила, что это именно Олеска придумала залезть в чужую квартиру, чуть ли не силой и угрозами заставила пойти с собой упирающуюся Марину и набила карманы всей этой мелочёвкой, в то время, как бедная запуганная Марина пыталась уговорить её одуматься и раскаяться. Но одумалась и раскаялась юная воровка, якобы, уже только ближе к вечеру. И, когда это произошло, почему-то вдруг очень испугалась содеянного и решила во всём признаться родителям, а заодно и обвинить во всём свою несчастную подружку.

Но, к счастью для Олески, мама близняшек давно уже знала свою соседку с верхнего этажа, как женщину не слишком честную и порядочную, да и хитроватая любящая приврать Марина никогда не нравилась ей, несмотря на то, что её девочки дружили с ней с самого раннего детства. Олескина же мама, напротив, с первого взгляда производила впечатление умной и интеллигентной женщины, не способной на подлый обман, и, хотя шансы, вроде бы, были равны, и обе женщины с одинаковым успехом могли лгать, выгораживая своих непутных дочерей, хозяйка квартиры почему-то поверила именно этой своей гостье.

В общем, Олеске в очередной раз безумно повезло. Час спустя женщины расстались вполне дружелюбно, и мама близняшек заверила Олескину маму, что не собирается предпринимать никаких мер по поводу неудачливых воришек, поскольку девочки, слава Богу, сами во всём признались и, похоже, искренне раскаялись в содеянном. Правда, даже она, по всей видимости, прекрасно поняла, что раскаялась в этом одна только Олеска, тогда как её подельница лишь быстренько сумела приспособиться к весьма неудачно сложившимся для неё обстоятельствам, ничуть не терзаясь при этом особыми угрызениями совести.

Этим вечером мама очень долго разговаривала с Олесей. Ни ругать её, ни уж, тем более, как-то наказывать она, слава Богу, не стала, поскольку прекрасно понимала, что дочь уже действительно всё осознала и была достаточно наказана за содеянное своей собственной совестью. И всё-таки не обсудить случившееся было попросту невозможно, и они обе прекрасно это понимали. При этом Олеськина мама не сомневалась в том, что дочь больше никогда в жизни не осмелится на нечто подобное, но всё-таки она, - так же, впрочем, как и сама Олеська, - никак не могла понять, что толкнуло её на этот совершенно немыслимый, даже с её собственной точки зрения, поступок. Но разумного ответа на этот вопрос они с ней так и не нашли.

Вроде бы, Олеська вовсе не была по натуре авантюристой, никогда ранее не поддавалась чужому влиянию, не жила в полнейшей бедности, в конце концов, чтобы позариться на лишнюю пачку каких-то там несчастных фломастеров... Да ведь она сама на них и не зарилась... И тем более удивительным оказался для них обеих сам тот факт, что Олеська, довольно-таки разумная, на первый взгляд, девочка, независимая, принципиальная и такая не по годам взрослая, просто впервые в своей жизни почему-то позабыла обо всех своих принципах и не смогла воспротивиться чужому пагубному влиянию...

Но время бежало быстро, и постепенно вся эта история как-то незаметно осталась в прошлом. О ней все позабыли, - даже, похоже, её непосредственные участники. И даже Олеська с Мариной вовсе не стали после этого кровными врагами, как этого можно было бы ожидать, хотя все последующие годы их совместной учёбы Олеська всегда старалась держаться подальше от своей одноклассницы. Но больше всего, признаться, её поразило то, что это нелепое происшествие, казалось, ничуть даже не повредило крепкой дружбе Марины и близняшек Перовых. По Олеськиным понятиям, после такого девочки должны были раз и навсегда порвать с такой опасной подругой. Более того, она искренне полагала, что, если они сами по каким-то причинам не могут сделать этого, то их мама должна была категорически запретить им дружить с ограбившей их соседкой. Но, как это ни странно, ничего подобного не произошло.

Всё осталось на своих местах. Ровным счётом никто не пострадал.

И только лишь сама Олеська долго ещё после этого случая не могла прийти в себя.

* * *

В те годы в школах страны ещё только-только начала вводиться программа одиннадцатилетнего обучения. Появились так называемые шестилетки, которые поступали в школу на год раньше, и которым из-за этого предстояло учиться на год дольше. И получилось так, что Наталии Александровне после выпуска третьего класса дали таких вот малышек, которые быстро целиком и полностью поглотили всё её внимание.

Переход в четвёртый класс Олеська переживала крайне мучительно. Рядом с ней больше не было любимой учительницы, всегда готовой помочь и поддержать, а со своим новым классным руководителем Ириной Дмитриевной она как-то сразу же не сумела поладить. В результате всего этого её успеваемость по всем предметам без исключения постепенно снизилась. При этом нельзя было сказать, что учёба стала даваться ей труднее, - просто она стала откровенно лениться, плохо выполняла домашнее задание, часто занималась какими-то своими делами на уроках, - и всё это, естественно, не могло не сказаться на её оценках.

Раньше Олеська всегда старалась учиться хорошо, чтобы порадовать Наталию Александровну, ужасно огорчавшуюся каждый раз, когда у её любимых учеников возникали какие-то проблемы. Но теперь этого мощнейшего стимула у неё больше не было. И ей потребовалось не так уж много времени, чтобы окончательно возненавидеть эту проклятую школу.

Нет, двоеницей она, конечно же, не стала, но из круглой отличницы как-то очень быстро превратилась в весьма заурядную хорошистку, ровным счётом ничем не выделяющуюся из числа других учеников. Да и в этом статусе, признаться честно, Олеське помогли удержаться только лишь её исключительные врождённые способности. К счастью для самой себя, она обладала просто феноменальной памятью, благодаря которой ей удавалось схватывать всё бук-

важно на лету. Если бы не это, то, при таком безответственном отношении к учёбе, у неё уже давно возникли бы серьёзные проблемы с ней. А так ей ещё долгое время удавалось оставаться на плаву.

Видимо, ей пока просто везло.

Первое время после перехода в четвёртый класс Олеська постоянно бегала к Наталии Александровне и на переменах, и после уроков, и та, казалось, неизменно всегда рада была её видеть. Но шли недели, месяцы, и, в конце концов, Олеська, будучи, очевидно, от природы довольно чуткой и неглупой, понемногу начала осознавать, что её первую учительницу уже целиком и полностью поглотили её шестилетки, и проблемы бывших учеников её теперь как-то не особенно волнуют. Для Олеськи это был жестокий удар, но она, к сожалению, совершенно ничего не могла с этим поделать. Жизнь, увы, не стояла на месте, и с этим страшным для неё фактом необходимо было просто примириться. Принять его, как должное. И научиться жить дальше, не оглядываясь назад.

Но как же это было для Олеськи на тот момент трудно!..

Невнимание и забывчивость бывшей учительницы, некогда такой любимой и близкой, озлобили и ожесточили Олеську куда сильнее, чем это можно было даже себе представить. Как-то так уж получалось по жизни, что все люди вокруг неё, которым она некогда доверяла, которых любила и ради которых в буквальном смысле слова готова была на что угодно, в конце концов, попросту отрекались от неё. Осознавать это было по-настоящему больно. И с каждым новым таким случаем Олеська всё больше и больше замыкалась в себе, лишняя раз только убеждаясь в том, что в этом мире вообще никому нельзя верить. Никому и никогда.

Олеська считала, что единственный человек, которому она всегда может доверять, который неизменно будет на её стороне, что бы ни случилось, - это её мама.

Она жестоко ошибалась. Во всём.

Глава 3. Родные люди.

<https://rutube.ru/video/3b448b40174785fd793a034b4377afda/>

На родственников Олеськина семья всегда была богата. Только вот, к сожалению, все они существовали как бы сами по себе, и по-настоящему тёплых родственных отношений между ними никогда не было.

В детстве Олеська очень гордилась тем, что у неё целых три бабушки. Другие девчонки завидовали ей и не понимали, как такое вообще возможно. Но Олеська неизменно и с превеликим удовольствием объясняла им, что третья бабушка – на самом деле уже прабабушка, и всё становилось на свои места.

Хотя, признаться честно, особых поводов для зависти на самом деле не наблюдалось. Ведь что такое бабушка для любого нормального ребёнка? Добрая ласковая старушка, которая любит тебя, возможно, даже сильнее, чем родители, – по крайней мере, уж точно, балует и ласкает гораздо больше. Бабушка, – от самого этого слова веет теплом и уютом, и в твоём воображении невольно возникают крепкие нежные объятия, пахнущие печеньем и пирогами, заботливые руки, ласкающие и утешающие тебя, и родное уютное плечо, в которое можно уткнуться и забыть обо всех своих горестях.

Увы, этот милый образ бабушки всегда существовал только лишь в Олеськином воображении. Её бабушки, которых в детстве она обожала всеми силами своей наивной, бесхитростной, жаждущей любви души, всегда были как-то слишком уж скуповаты на ласку. А уж если говорить совсем начистоту, то ни любви, ни заботы, ни тепла Олеська в них так никогда и не сумела разглядеть, – хотя, видит Бог, очень сильно старалась.

Самое странное заключалось в том, что, несмотря на такое обилие родственников, никто из них как-то не спешил принимать хоть какое-то участие в их судьбе. Все они существовали словно сами по себе. Олеськина семья всегда жила очень замкнуто. Визиты в гости были так редки, что их можно было пересчитать по пальцам. Ещё реже кто-то навещал их самих. Олеська просто не знала тогда, что в других семьях бывает как-то по-другому, и поэтому, до поры, до времени, считала такое положение вещей вполне естественным. Это был привычный для неё образ жизни. И другого она просто не представляла.

Родители Олеськиного отца жили в деревне. Когда она была маленькой, они всей семьёй каждые выходные ездили к ним в гости. Но потом, после рождения младшего брата, эти их визиты как-то постепенно стали сходить на нет. И, в конце концов, почти совсем прекратились.

Но Олеська никогда особенно и не переживала из-за этого. Своих деревенских родственников она в детстве, конечно же, любила по-своему, но они так и остались для неё навсегда какими-то чужими и далёкими. Мать отца была женщиной неразговорчивой, суровой и не слишком эмоциональной. Она никогда не проявляла ни излишней радости по поводу приезда семьи сына, ни особой печали из-за её долгого отсутствия. А что касается самой Олеськи... В кругу многочисленной отцовской родни она всегда чувствовала себя совершенно чужой. Беспомощный маленький ребёнок, который почему-то затесался в общество посторонних людей, словно и не замечающих его.

Впрочем, Олеськиного отца в той, «деревенской», семье и любили, и уважали. Все их бесчисленные родственники, дяди и тёти, двоюродные и троюродные братья и сёстры, смотрели на него снизу вверх и почему-то безоговорочно признавали его превосходство над собой. Но вот Олеськина мама, – да и она сама, разумеется, – были для них слишком «городскими», и поэтому вся многочисленная отцовская родня всегда относилась к ним с лёгкой прохладцей. Нет, наверное, нельзя было сказать, что они совсем не любили их, но обычно они вели себя так, словно без их присутствия им было бы гораздо легче и проще. И Олеська, даже будучи ребёнком, всегда это ощущала.

Мама тоже, видимо, чувствовала нечто подобное, потому что со временем они с ней вообще перестали ездить в деревню. В последующие годы компанию отцу составлял только лишь Олеськин брат. И, кстати, вот он всегда был для их деревенских родственников «своим». То ли потому, что он был мальчиком, а следовательно, будущим наследником фамилии, - а для них это до сих пор, как и в средние века, значило очень много, - то ли потому, что и внешне, и по разуму он был гораздо проще, чем старшая сестра и мама, но его они признавали безоговорочно. А вот Олеську – нет.

А кроме того, как-то так уж получилось, - хоть это и было весьма странно, - но Олеська, которую в городе все считали сорвиголовой и уж чуть ли не хулиганкой, предпочитающей мальчишеские игры и ни секунды не способной усидеть на одном месте, - в деревне ощущала себя прямо-таки какой-то кисейной барышней. Но многое из того, что она наблюдала там, действительно повергало её тогда в состояние шока. В деревне гораздо проще относились к вопросам гигиены, и Олеська, привыкшая, разумеется, всегда мыть руки перед едой и после прогулки, а также принимать каждый вечер перед сном душ, с диким ужасом смотрела на людей, не считающих нужным это делать, месяцами не меняющих постельное бельё и одежду и не видящих особой разницы в том, где спать: на кровати, на сеновале с мышами или же прямо на никогда не моющемся полу, покрытом ветхими от старости ковриками, не менявшимися – и даже, похоже, ни разу не выбивавшимися – со времён детства Олеськиного отца.

Её двоюродные братья и сёстры играли совсем в другие, не знакомые Олеське игры, и она никак не могла сблизиться с ними, хотя старалась изо всех сил. Но деревенские дети казались ей не слишком опрятными и грубыми, а она, в свою очередь, Наверное, представлялась им каким-то избалованным и изнеженным существом с другой планеты, от которого они инстинктивно старались держаться подальше.

Олеськина прабабушка, – бабуся, как её почему-то все называли, - ходила к ним в гости гораздо чаще, чем все остальные, вместе взятые. Олеська запомнила её аккуратной строгой старушенцией, обращавшей свой недовольный взгляд на неё только для того, чтобы сухим отрывистым тоном сделать ей очередной выговор. Правда, мама любила её визиты, потому что бабуся ни минуты не сидела без дела. Приходя в гости, она тут же перемывала всю посуду, гладила кипы белья, стирала, готовила, шила... Естественно, для мамы это была неоценимая помощь. Но для самой Олеси... Для неё эти визиты превращались в кошмар.

Олеська даже не смогла бы ясно сформулировать, - ни тогда, ни потом, - из-за чего они с ней не ладили, и что конкретно так и не сумели поделить. Просто она не любила бабуся, - и всегда точно знала, что та её тоже терпеть не может. Впрочем, позже Олеська поняла, что это всё-таки было преувеличением. Бабуся её не то, чтобы не любила, - она вообще не любила никого: ни детей, ни внуков, ни правнуков, ни даже саму себя. Ко всем без исключения она была неизменно строга и сурова.

Единственная, к кому она испытывала, похоже, нечто, весьма отдалённо напоминающее любовь, - это была Олеськина мама. Но даже и в этом случае её привязанность к ней выражалась лишь энергичной помощью по хозяйству. Не было ни тёплых слов, ни нежности, ни душевных разговоров. Ничего. Но их связывало нечто, - и лишь много лет спустя, когда с возрастом Олеськина мама, к её дикому ужасу, становилась всё больше и больше похожей на бабуся, она поймёт, что именно. Из всех своих потомков только в этой своей внучке Олеськина прабабушка, похоже, чувствовала родственную душу. Потому что они были совершенно одинаковыми.

Но тогда Олеська всего этого, разумеется, ещё не понимала. Она была способна осознать лишь то, что в обществе своей прабабушки она всегда чувствовала себя просто ужасно. Краем уха она слышала, что та прожила нелёгкую жизнь, - сидела в тюрьме, потеряла нескольких детей, - выжили только Олеськина бабушка Аля и её брат Сергей, который был младше её лет на восемнадцать. И это, естественно, не могло не вызывать у самой Олеси сочувствия, -

тем более, что она вообще в душе была очень доброй и жалостливой девочкой. Но это было сочувствие к какому-то абстрактному человеку с тяжёлой судьбой, - в то время, как сама бабуся не вызывала у неё ровным счётом никаких положительных эмоций. Даже жалости.

Бабушка Аля с прабабушкой тоже очень плохо ладили между собой. Видимо, их обоюдные воспоминания были не слишком радужными, и они до сих пор, даже по прошествии десятилетий, держали друг на друга зло. Приходя в гости, они поочередно наговаривали одна на другую, но Олеся, в силу своего пока ещё чересчур юного возраста, почти ничего не понимала из этих разговоров. Она была способной, пожалуй, осознать лишь тот факт, что её любимая бабушка Аля почему-то не слишком любит свою старенькую маму, и это всё-таки не могло её не удивлять, - ведь это же была её мама!.. Но, тем не менее, все её симпатии были именно на стороне бабушки. Да это было и не удивительно.

Бабушка Аля была такая молодая, красивая, весёлая, вечно окружённая подругами и поклонниками, - в общем, душа любой компании. А её старая мать была ворчливой, желчной и вечно чем-то недовольной, - одним словом, какой-то злобной, на Олескин взгляд. Да, она иногда занималась с правнуками, помогала по хозяйству внучке, но делала это как-то сухо, без эмоций, не проявляя внешне ни малейших признаков хотя бы дружелюбия. Просто, похоже, чисто автоматически выполняла какую-то работу, совершенно не вкладывая в неё душу. И Олеска с самого раннего детства относилась к ней с каким-то подсознательным страхом, хотя и совершенно на самом деле ничем не обоснованным. Слишком уж она была похожа на злую ведьму из сказок, - и на внешность, и по характеру.

Так что было совсем не удивительно, что в глубине души Олеска всегда поддерживала бабушку Алю и искренне считала именно бабуся виноватой во всех их разногласиях.

Дядю Серёжу в детстве Олеся почти совсем не знала. Она лишь изредка иногда мельком видела младшего брата бабушки и всегда удивлялась тому, какой он молодой. Только став значительно старше, она узнала о том, что дядя Серёжа, проживший всю жизнь совершенно один, не имеющий ни семьи, ни детей, был хроническим алкоголиком. Время от времени он завязывал со спиртным, работал, - на заводе его ценили как очень хорошего и опытного сотрудника и лишь поэтому не увольняли, несмотря на его многочисленные запои и прогулы. Какое-то время он обычно держался, а потом снова срывался и уходил в запой. Затем отлёживался, приходил в себя, опять пытался подняться и встать на ноги... И так продолжалось до бесконечности, на протяжении многих-многих лет...

Изредка, правда, он приходил к ним в гости. Обычно это происходило по воскресеньям. Примерно в обеденное время. И каждый раз – как будто случайно. Обычно он пытался совершенно невнятно объяснить, что просто шёл мимо, - якобы, заходил к какому-то своему неведомому другу, который живёт где-то поблизости, и которого почему-то, как всегда, дома не оказалось. И, оставшись ни с чем, дядя Серёжа решал по дороге заскочить навестить племянницу, - раз уж он, благодаря такой вот чистой случайности, оказывался совсем рядом с их домом.

Ну, а поскольку время было обеденное, и стол уже практически был накрыт, то Олескиным родителям не оставалось ничего другого, кроме как пригласить дорогого родственника отобедать вместе с ними.

Мама жалела своего не совсем путного дядю. Его визиты не слишком радовали её, но она терпела, потихоньку объясняя мужу, что Сергей, наверное, опять всё пропил, и теперь ему попросту нечего есть. И отец, тоже не особенно жаловавший такого родственника, бывшего, кстати, его ровесником, громко не возражал и, стиснув зубы, тоже терпел его визиты.

Пока Олеска была маленькая, она ещё ничего не понимала. Она вообще в душе была довольно дружелюбным ребёнком и всегда искренне радовалась, когда к ним приходили гости, - тем более, что это случалось почему-то не слишком часто. Но дети, к сожалению, имеют не слишком приятную привычку взрослеть. А Олеска вообще была не по годам развитой девоч-

кой. Так что сия участь, разумеется, не миновала и её. И она очень рано начала замечать и осознавать слишком много такого, что ей не сильно нравилось.

Дядя Серёжа никогда не был особенно дружелюбным. Он вообще не отличался излишней эмоциональностью, - так же, похоже, как и его мать, с которой он, кстати, тоже почему-то не слишком ладил. И, - так же, как и сама бабуся, - он был вечно чем-то недовольным и даже, можно сказать, каким-то озлобленным. Ни к самой племяннице, ни уж, тем более, к её детям он не испытывал, похоже, ровным счётом никаких чувств. Он просто приходил на обед, - без приглашения, разумеется, - и, по всей видимости, никогда даже и не задумывался о том, что ему могут быть здесь не слишком рады.

Приходя в дом, где жили маленькие дети, дядя Серёжа ни разу не догадался захватить для них хотя бы по шоколадке. Зато за столом он, по обыкновению, устраивал жаркие политические дискуссии и вступал в грандиозные споры с отцом, который вообще-то всегда был предельно далёк от политики. И только лишь политически грамотно подкованный дядя Серёжа, с пеной у рта отстаивающий свою точку зрения, словно хоть кто-то на неё покушался, мог вывести его из себя и заставить ввязаться в подобную полемику, в которой он ровным счётом ничего не смыслил. В принципе, всё это было как-то совершенно не принято в их семье, так что стоит ли особенно удивляться тому, что обычно они все бывали не слишком рады свалившемуся на их головы чересчур буйному родственнику.

Но, как истинно воспитанные люди, никогда и ничем не показывали ему этого.

К счастью, эти незапланированные визиты дяди Серёжи случались не слишком часто, от силы, один - два раза в год, и только поэтому их ещё можно было терпеть. А в промежутках между ними они все успевали практически полностью позабыть своего такого странного двоюродного дедушку.

В общем, из всех своих многочисленных родственников, пожалуй, Олеська больше всех любила бабушку Алю. Она безумно гордилась ею, - своей очень молодой и безумно красивой бабушкой, на которую прохожие на улице оглядывались с восхищением. А больше всего Олеське нравилось, когда случайные знакомые принимали её за дочку, а не за внучку этой шикарной женщины, пользующейся таким потрясающим успехом в обществе.

Но, поскольку Олеська имела глупость взрослеть, ситуация в семье в корне менялась. И отчасти, - что уж тут греха таить, - но именно бабушка Аля была виновата в том, что её рано повзрослевшая внучка стала относиться к ней совсем иначе.

Ребёнок в силу своей наивности ещё слишком многого не понимает. И ему зачастую свойственно идеализировать то, что происходит вокруг него. Олеська знала это по себе, потому что в детстве она была буквально одержима нелепой идеей иметь полностью благополучную семью: маму, папу, братика, бабушек, дедушек и всех остальных весьма многочисленных ещё на тот момент родственников, непременно нежно любящих друг друга, - а самое главное, обожающих её саму просто до безумия. И именно поэтому, наверное, - ради этой чудесной, но, увы, совершенно недостижимой утопической мечты, - она старалась не замечать никаких недостатков у своих родных и видеть в них только лишь хорошее.

На самом деле, - что уж тут скрывать, - Олеська очень рано осознала, что её ослепительно красивая бабушка почему-то не слишком любит свою единственную внучку. Это было безумно больно, но Олеська, как, наверное, и все дети, пыталась таить свои чувства в себе и идеализировать поступки взрослых, принимая желаемое за действительное. Но даже несмышленный ребёнок способен, в конце концов, рассердиться, обидеться и взбунтоваться, если осознаёт, что окружающие относятся к нему несправедливо.

Возможно, в действительности всё было вовсе и не так уж фатально, как представлялось Олеське тогда, в те годы. И, став чуть постарше, она уже вполне могла допустить, - хотя бы чисто теоретически, - что на самом деле бабушка, конечно же, всё-таки любила её. Просто на тот момент её внучка была, к сожалению, слишком уж сложным и категоричным ребёнком, чтобы

осознать эту любовь и суметь оценить её. Для Олеськи никогда не существовало полутонов, - только чёрное или белое. А может быть, она просто, как всегда, хотела от окружающих её людей слишком многого. А её бабушка, - то ли в силу своего тоже, кстати, не слишком простого характера, то ли ещё по каким-то известным только ей одной тайным причинам, совершенно не понятным её несчастной и пока ещё достаточно неразумной внучке, - просто не в силах была ей это дать.

Но, по мере того, как шли годы, ситуация в их семье всё больше осложнялась. Мало того, что сама Олеська, будучи, как полагали её дорогие и любимые родственники, трудной, злобной и не слишком дружелюбной, плохо ладила со своими сверстниками и открыто конфликтовала с преподавателями. Так ещё и её родная бабушка почему-то тоже решила внести в это дело свою лепту. В гости к ним она приходила, к счастью, совсем нечасто, но Олеське и этого хватало с лихвой. Потому что именно во время этих своих до смешного редких визитов она приобрела весьма печальную привычку уединяться с мамой на кухне и непременно заводить с ней разговор о её непутной старшей дочери, в которой милую бабулю, казалось, совершенно ничто не устраивало.

Почему-то Олеськиной бабушке, ищущей, вполне возможно, справедливости, - да только вот где-то совсем не там, - казалось, что её внучка, бессовестная и ленивая, совсем села на шею своей бедной матери. По так и оставшейся неведомой для Олеськи причине она почему-то совершенно искренне полагала, что дочь ничем не помогает своей несчастной матери по хозяйству и ничего не делает по квартире, - в магазин лишний раз и то не сбегает!.. А уж о том, какой у неё отвратительный характер, вообще следует поговорить отдельно!..

В общем, из раза в раз, монотонно и терпеливо, бабушка пыталась доказать Олеськиной маме, что та совсем распустила свою непутную и непослушную дочь, с которой просто жизненно необходимо вести себя гораздо более строго, и, что самое главное, побольше заставлять её заниматься домашним хозяйством. Мол, хуже она от этого не станет, - уверяла маму бабушка, - поскольку хуже уже просто некуда, - но, может быть, хоть таким образом, им, совместными усилиями, ещё удастся ввести в узду эту ни на что не годную гнусную мерзкую девчонку и всё-таки вырастить из неё нормальную полноценную женщину... .

К сожалению, Олеськиной доброй милой бабушке, - не известно, за что так ополчившейся против своей несчастной внучки, - видимо, даже и в голову не приходило, что стены у них в квартире очень тонкие, а необычная и почему-то совсем не нравящаяся ей девочка вообще обладает просто уникальной и в чём-то даже феноменальной способностью слышать всё, что про неё говорят. В такие моменты происходило нечто противоестественное. Олеське всегда казалось, что все звуки в окружающем её мире словно отключались, зато те злобные фразы, которые, по сути дела, вовсе даже и не предназначались для её ушей, начинали звучать в них в десятки раз громче, словно усиленные каким-то таинственным слуховым аппаратом.

Во время визитов любимой бабушки Олеська обычно находилась в соседней комнате и, дрожа от бешенства и бессильной ярости, со слезами обиды на глазах, с трудом сдерживалась, чтобы не броситься на кухню и не пресечь эти разговоры раз и навсегда.

Самое нелепое и обидное во всей этой ситуации заключалось в том, что на самом деле бабушка абсолютно не знала свою неугодную внучку и, что было ещё гораздо печальнее, никогда даже и не пыталась ни узнать её, ни, тем более, хоть немного понять. И она, похоже, даже и представления не имела о том, то вся их квартира уже давно целиком и полностью была именно на ней. С первого класса Олеська должна была к приходу родителей самостоятельно навести в ней идеальный порядок: вымыть посуду и пол, вытереть пыль, переглядеть груды белья, начистить ушаты картошки и выполнить ещё кучу разнообразных мелких поручений, после которых у неё практически не оставалось свободного времени, - а ведь ей нужно было ещё и уроки сделать!.. Магазины, - будь они неладны!.. – тоже всегда были непосредственной Олеськиной обязанностью, - причём, ещё с дошкольного возраста, примерно с рождения младшего брата.

Так что голословные рассуждения бабушки об Олеськиной невысказанной лени были в данном конкретном случае не более, чем плодом её собственного воображения.

Кстати, даже впоследствии Олеська так и не смогла понять, почему её мама, прекрасно знающая истинное положение вещей в их семье, так никогда и не осмелилась возразить бабушке и встать на защиту собственной дочери. Может быть, она тоже всегда боялась собственной матери?.. Хотя, такое даже трудно было себе представить, поскольку мама всегда по жизни была совершенно негибкой и безапелляционной, и предположить, что кто-то мог всерьёз напугать её, было просто невысказанно. Или же она тоже действительно искренне считала свою дочь лентяйкой, совершенно не помогающей ей по хозяйству, несмотря на то, что она давно уже повесила всё это хозяйство именно на неё?.. Или же ей просто было удобно, по каким-то своим соображениям, что бабушка думает о своей внучке так плохо и считает её каким-то невысказанным изгоями ада?.. Трудно сказать наверняка... Олеське так и не суждено было разобраться в таинственных дебрях их загадочных душ...

Кстати, если уж на то пошло, Олеся часто разговаривала со своими сверстницами на эту тему, - и в школе, и потом, в техникуме, - и твёрдо знала, что никто из её знакомых не имел столько обязанностей по хозяйству, как она. Признаться честно, все сохранившиеся у неё воспоминания о детстве связаны с уборкой, уборкой и ещё раз с уборкой!.. В то время, как её беззаботные ровесники бегали по улицам и ни о чём не думали, она целыми днями вынуждена была наводить чистоту в квартире. В детстве ей пришлось потратить на приборку столько времени и сил, что она на всю оставшуюся жизнь возненавидела это дело. И можно было точно сказать, что, вопреки прогнозам бабушки, всё это не только не пошло ей на пользу, а, напротив, принесло весьма существенный вред, серьёзно отразившийся в дальнейшем на её психике. Последствия этой «трудотерапии» она ощущала в себе всегда, спустя даже не годы, - десятилетия!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.